

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОРИКИ ДУКА И ФРАНДЗИ О ПАДЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

(Перевод и предисловие А. С. Степанова)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Осада и разгром Константинополя турками со всеми потрясающими подробностями отражены в многочисленных исторических памятниках, среди которых немаловажное место занимают «Византийская история» Дуки и «Большая хроника» протовестиария Георгия Франдзи, причем историк Франдзи сам был участником обороны и очевидцем падения столицы.

Свой капитальный труд, состоящий из 45 глав, историк Дука начинает с 1341 г., т. е., иначе сказать, с момента смерти императора Андроника Младшего, и доводит до 1462 г., когда султаном Мехмедом II были захвачены Митилена и Лесбос, где жил Дука. Биографических данных о себе Дука сообщает очень мало, так что даже год его рождения в точности не известен: на основании некоторых параллельных сопоставлений его можно, впрочем, отнести предположительно к половине 90-х годов XIV в. О том, что случилось с Дукой после 1462 г., когда Митилена была захвачена турками, точных данных тоже не имеется: судя, однако, по тому, что первый перевод его «Истории» на итальянский язык появился после 1462 г. в Венеции, можно думать, что из Митилены Дука бежал в Венецию, где после 1462 г. и умер. По своему происхождению историк Дука принадлежал к одному из знатнейших родов Константинополя: его дед, Михаил Дука, летом 1345 г. после восстания в Константинополе против Апокавка, как сторонник Иоанна Кантакузина, должен был эмигрировать из Константинополя и бежал в сельджукский Эфес, где и поселился, занимаясь врачебной практикой¹. Повидимому, там же, т. е. в Эфесе, отец Дуки пережил и ужасы нашествия Тамерлана в 1402 г., которые так красочно изобразил в своей «Истории» историк Дука². В дальнейшем, после 1415 г., когда малоазийское побережье окончательно перешло в руки османов, мы встречаем историка Дуку в Новой Фокее³, расположенной к юго-востоку от Лесбоса, в положении личного секретаря сына генуэзского дожа Иоанна Адурно, который был арендатором фокейских квасцовых копей и генуэзским подеста Новой Фокеи⁴. После 1423 г., когда Адурно умер или уехал обратно в Геную, — в качестве личного секре-

¹ Ducas e. Historia Byzantina, cap. 11; cap. 12, col. 808; cap. 44, col. 1145—1149.

² Ibid., cap. 15—17.

³ Ibid., cap. 25, col. 948.

⁴ Ibid., col. 949—592.

таря и дипломата, хорошо знающего турецкий, греческий и итальянский языки, историк Дука связывает свою судьбу с генуэзскими владетелями Лесбоса, Гателузи, и поселяется в Митилене¹, где в 1462 г. пережил турецкую осаду². Между 1452—1456 гг., как раз в период осады и падения Константинополя, Дука совершает пять дипломатических путешествий в резиденции Мехмеда II (в Дидимотих, Адрианополь, болгарскую Излату и несколько раз в Константинополь) по делам Гателузи³. Прожив почти всю жизнь среди генуэзцев, Дука, естественно, является сторонником унии⁴, а классовые позиции определили его (как, впрочем, и Франдзи) презрительное и враждебное отношение к *ἄλλοις*, т. е. к простонародью⁵. Нужно отметить, что «Византийская история» Дуки есть история не только Византии, но в гораздо большей степени история постепенного продвижения турецких поработителей в балканские страны и их поработнения. Хронике осады и разгрома Константинополя, не будучи сам их очевидцем, Дука излагает на основании тщательно проверенных показаний и свидетельств очевидцев (в том числе и самих турок)⁶.

Что касается Франдзи, то свой исторический труд, т. е. «Большую хронику», состоящую из 4 книг, он начинает с Михаила Палеолога, т. е. с 1258 г. (или даже несколько раньше), и заканчивает событиями лета 1477 г., когда Мехмедом II был организован неудачный поход против этолийского Навпакта и острова св. Мавры⁷. Род Франдзи, повидимому, был одним из знатных в Константинополе⁸. По показаниям «Хроники», Георгий Франдзи родился 30 августа 1401 г. в Константинополе, когда столица была еще блокирована Баязидом⁹. 17 марта 1418 г., «когда Франдзи было 16½ лет, а императору Мануилу 68½, Франдзи, в качестве спального и личного секретаря императора, был определен в покои Мануила¹⁰ и занимал эту должность семь с лишком лет, а именно до 21 июля 1425 г., даты кончины императора Мануила¹¹. В дальнейшем он поступает в распоряжение деспота Константина¹² и вместе с ним 21 декабря 1427 г. переселяется в Пелопоннес¹³, где Константин получил удел; с Константином Франдзи не расстается до 29 мая 1453 г., до самой смерти этого императора. Сначала Франдзи выполняет разного рода мелкие поручения Константина, а затем с 1429 г., когда Константин направляет его послом в Адрианополь к Мураду и в Лариссу к Турахану¹⁴, начинается дипломатическая карьера Франдзи. С 1429 по 1448 г. только лишь к султану Мураду Франдзи совершил пять путешествий¹⁵. В 1432 г. за успешную дипломатическую службу Франдзи получает от императора Иоанна сан протовестниария¹⁶. Последняя миссия Франдзи относится к 1455 г., когда пелопоннесский деспот Фома послал Франдзи (очевидно, в поисках воен-

¹ Ducas e. *Historia Byzantina*, cap. 11; cap. 12, col. 808; cap. 44, col. 1145—1149.

² *Ibid.*, cap. 45, col. 1165.

³ *Ibid.*, cap. 35, col. 1052—1053; cap. 44, col. 1145—1148; col. 1148—1149; col. 1153; cap. 45, col. 1156.

⁴ *Ibid.*, cap. 37, col. 1065—1068.

⁵ *Ibid.*, cap. 36, col. 1061.

⁶ *Ibid.*, cap. 39, col. 1100; cap. 21, col. 893; cap. 36, col. 1057; cap. 37, col. 1065—1068; cap. 38, col. 1085.

⁷ Φραντζής η „χρονική“, PG, t. 156, col. 1022.

⁸ *Ibid.*, col. 740, 726 и т. д.

⁹ *Ibid.*, col. 689.

¹⁰ Φραντζής η „χρονική“, col. 727.

¹¹ *Ibid.*, col. 736.

¹² *Ibid.*, col. 740—742.

¹³ *Ibid.*, col. 742.

¹⁴ *Ibid.*, col. 760—763.

¹⁵ *Ibid.*, col. 760—763; 766; 767; 770; 807—808.

¹⁶ *Ibid.*, col. 766.

ной помощи против Мехмеда II) к дожу Франциску Фоскари в Венецию¹. В промежутки от путешествия до путешествия Франдзи занимает (хотя и кратковременно) ряд важных постов: то в Патрах, то в Селимврии, то, наконец, в Спарте (Мистре)². С августа 1447 г. Франдзи, по поручению императора Константина, проживает в Константинополе³, напряженно следит за болезнью императора Иоанна, а когда тот 31 октября 1448 г. умирает⁴, способствует возведению Константина на престол⁵. По возвращении в Константинополь в сентябре 1451 г. из Трапезунта и Грузии, где, подыскивая императору богатую невесту, Франдзи провел около двух лет⁶, — в апреле—мае 1453 г. историк Франдзи пережил все ужасы осады и попал к туркам со всей своей семьей в плен. 1 сентября 1453 г. ему удалось выкупиться из плена⁷, и в декабре того же 1453 г. Франдзи оказался уже в пелопоннесском Леонтарии на службе у деспота Фомы⁸. Через год Франдзи удалось выкупить из плена и жену⁹. Что же касается сына и дочери, то оба они погибли в султанском гареме в Адрианополе: 14-летняя дочь Франдзи в 1455 г. скончалась от какой-то эпидемии, а 15-летний сын еще в декабре 1453 г. собственноручно был убит Мехмедом II¹⁰. 2 августа 1460 г., спасаясь от Мехмеда II, Франдзи бежал под защиту Венеции на остров Корфу, где поселился в монастыре Тарханиота вместе с женой¹¹. В 1468 г. Франдзи заболел ревматизмом ног и принял монашество¹². Последние годы своей жизни он провел в крайней бедности, нужде и лишениях, потеряв к тому же слух и мучась ревматизмом¹³, но продолжая все же работать, как он говорит, по просьбе корфиотов¹⁴, над «Хроникой». Свой исторический капитальный труд Франдзи закончил 29 марта 1478 г.¹⁵ (на 77-м году своей жизни), после чего, видимо, вскоре и умер.

Ниже (впервые в русском переводе) публикуются из «Византийской истории» Дуки и «Большой хроники» Георгия Франдзи те части, которые повествуют об осаде и падении Константинополя: из труда Дуки — главы 35—42, а из книги III «Хроники» Франдзи — главы 3—9 (с присоединением очень важной по содержанию главы 2-й из книги IV). Промежуток времени, охватываемый означенными отрывками, невелик: Дука начинает главу 35-ю с осени 1452 г. и отрывок из главы 42-й заканчивает 18-м июня 1453 г.; Франдзи же начинает главу 3-ю — 26-м марта 1452 г., а главу 9-ю — заканчивает 30-м мая 1453 г. Оба историка воспринимают и переживают разгром Константинополя турками как величайшее и тягчайшее бедствие. При чтении их трудов проходят пред нами жуткие картины зверств турецких поработителей: массовая резня в Константинополе (особенно — нетрудоспособного населения), варварское ограбление, когда турками были перерыты даже все сады, и увод ими 60-тысячного населения Константинополя в рабство.

¹ Ibid., col. 964.

² Φραντζή, «Χρονικόν», col. 765, 799—800, 803.

³ Ibid., col. 805—806.

⁴ Ibid., col. 806.

⁵ Ibid., col. 807—809.

⁶ Ibid., col. 809—820; col. 818.

⁷ Ibid., col. 897.

⁸ Ibid., col. 963.

⁹ Ibid., col. 963—964.

¹⁰ Ibid., col. 964, 963.

¹¹ Ibid., col. 984, 987.

¹² Ibid., col. 1003.

¹³ Ibid., col. 1021.

¹⁴ Ibid., col. 1022.

¹⁵ Ibid.

«К вечеру 29 мая, — пишет Дука, — всё в Константинополе стало пустыней: ни человека, ни скота, ни птицы, каркающей или щебечущей внутри города»¹, — и только горы трупов валялись на улицах, так что «в некоторых местах, — рассказывает Франдзи, — вследствие множества трупов даже вовсе не видно было земли»². Свой рассказ о константинопольских ужасах Дука заключает трагическим «Плачем» по столице и империи³.

ДУКА

«ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» (гл. 35—40; 42)

(Перевод с греческого)

Гл. 35. Итак, когда прошло лето 1452 г. и началась пора осенняя, тиран, проводя время дома, не давал покоя очам, но ночью и днем имел думу о городе, — как бы взять его, как бы сделаться его господином. Итак, когда он был еще в крепости [на Босфоре] и строил ее, вышел из города один мастер, сооружающий камнеметные пушки, — родом венгр, мастер искуснейший. Задолго до того явившись в Константинополь, он объявил приближенным царя о своем искусстве, а те доложили об этом царю. Царь же назначил ему содержание, недостойное его знаний, — но и его, сколь ничтожно и малочисленно оно было, не выдавали мастеру. Поэтому, отчаявшись, он оставил город и бежал к варвару. А тот, с любовью приняв его и оказав ему почести, дает ему и провиант и одежду, а плату такую, что если бы царь дал только четвертую ее часть, не убежал бы этот мастер из Константинополя. Итак, был он спрошен вождем, может ли он вылить большую пушку, бросающую огромной величины камень, — так, чтобы можно было преодолеть прочность и толщину городской стены. Он же ответил: «Я могу, если ты хочешь, изготовить бомбарду, которая будет бросать каменные ядра любой величины. Я точно знаю стены города: не только эти, но и стены Вавилона превратит в порошок выпущенное из моей бомбарды ядро. Все это дело я хорошо выполняю; но самой стрельбы я не знаю и о ней не договариваюсь». Услышав это, вождь сказал: «Приготовь мне бомбарду; относительно же метанья камня сам посмотри». Начали собирать медь, а мастер изготовил модель пушки. Итак, в три месяца было сооружено и выплавлено чудное некое — страшное и необыкновенное.

В крепости же Баск-Кесен в дни те случилось следующее: проходил из Стомия большой венецианский корабль, — капитаном его был Ритзос; и, так как он не спустил парусов, то гарнизон крепости пустил в него из пушки огромное каменное ядро: ядро пробило корабль, и, когда он стал тонуть, капитан и остальные тридцать человек сели в лодку и добрались до берега. А турки, схватив их и связав им руки и шею цепью, как бы на одной веревке, отвели их к вождю, проживавшему тогда в Дидимотихе. А он приказал, чтобы все они были обезглавлены; капитана же велел лишить жизни, посадив на кол. Все они оставлены были без погребения, и их трупы я видел, когда, спустя немного дней, проживал там.

Явившись из Дидимотиха в январе месяце в Адрианополь и подготовив все военное снаряжение, вождь пожелал испробовать пушку, которую

¹ Ducas, cap. 40, col. 1116.

² Φραντζή, col. 879.

³ Ducas, cap. 41.

соорудил тот мастер. И вот, при помощи машин, поставили ее пред великими воротами у входа во дворцы, построенные в тот год, и как следует вложив камень и отмерив пороху, думал он на завтра разрядить ее. По всему Адрианополю было объявлено, что гул и грохот будут, как от грома небесного; это было сделано, дабы от внезапного грохота люди не онемели, а беременные женщины не разрешились преждевременно. Итак, рано утром мастер поднес огонь к пороху; когда нагрелся в бомбарде воздух и ядро было выброшено, оно полетело, наполнив воздух тяжким шумом, окутав все дымом и мглой. Гул же распространился в длину до 100 стадий; а камень упал далеко от того места, откуда был выпущен, — примерно в одной миле. В месте же, где он упал, образовалась яма величиной в сажень. Такова сила взрыва пороха, бросающего камень.

А вождь ночью и днем, ложась в постель и вставая, внутри своего дворца и вне его, имел одну думу и заботу, какой бы военной хитростью и с помощью каких машин овладеть Константинополем. Часто, когда наступал вечер, с двумя сопровождающими в одних случаях на коне, а в других пешком, — в облике воина обходил он весь Адрианополь, слушая, что говорят о нем. И, если кто из толпы постигал в уме, что это вождь, и, по обычаю, добрым словом хотел приветствовать его, он тотчас, не щадя и не жалея, наносил смертельный удар: подобно тому как иной, растирая блоху, чувствует некоторое удовлетворение, так и он, собственной рукой убивая, — сам достойный смерти, — находил в этом наслаждение. Итак, в одну из ночей, около второй стражи, послал он некоторых из дворцовых телохранителей привести Халил-пашу. Они же, придя, передали приказ евреям, а те, войдя в его спальню, сообщили, что его зовет вождь. Тот же, охваченный дрожью и придя в отчаяние, обняв жену и детей, отправился, неся с собой одно золотое блюдо, полное золотых монет. Ибо всегда он имел страх в сердце своем по причине, о которой я сообщал раньше. Войдя же в спальню вождя, увидел он его сидящим и одетым. И преклонился он пред ним и положил пред ним блюдо; а вождь сказал: «Что это, лала?» (как сказал бы кто на народном нашем языке: «тáта», т. е. наставник). Он же ответил: «Господин! Обычай есть у сатрапов: если вождь позовет кого из вельмож не в пору, не приходите на лицезрение его с пустыми руками. Да ничего из своего не принес я тебе, чтобы явиться пред тобою; но твоя от твоих принес». Вождь же ответил: «Еще нет у меня нужды в твоём. Лучше я подарю тебе: и притом еще больше. Одного прошу: дать мне город». Халил же задрожал весь при этом слове, потому что всегда он покровительствовал ромеям; ромеи имели его как правую свою руку и правую его руку наполняли дарами. И пели о нем все: «Кавур Ортаги», т. е. «неверных вскармленник, их защитник». Тогда, отвечая вождю, Халил сказал: «Господин! Бог, давший тебе в руки весьма большую часть земли ромеев, даст тебе и город. Ибо, как мне кажется, при божьей помощи и твоей силе не избежит он рук твоих. А я и все рабы твои будем помогать тебе, — не деньгами только, а плотью и кровью, — и относительно этого нашего намерения ты не заботься». Слова эти на некоторое время смягчили дикого зверя, и говорит он Халилу: «Видишь подушку? Всю ночь бродил я по комнате из одного угла спальни в другой, а из другого в следующий, — то садился за стол, то вставал: и сон не приходил очам моим. Итак, говорю я тебе: прельщаясь серебром или золотом, не забудь ответа, который дал ты мне сейчас; мы упорно будем бороться с ромеями и, уповая на благоволение божие и молитву пророка, город возьмем». Итак, вместе с этими и другим льстивыми словами высказав и некоторые содержащиеся среди лести неприятные Халилу намеки, от которых сжималось сердце и сохла кровь, вождь отпустил его, говоря:

«Ступай с миром!» И проводя все те ночи без сна и беспокоясь, не оставляя он дум о городе, часто беря в руки бумагу и чернила и чертя план города, показывая сведущим в укреплениях, где и как поставить боевые машины и укрепления, где провести подкопы и вход в ров и лестницы к какой стене поставить, — а попросту сказать: всякое приготовление обдумывал он ночью, а рано утром, по его приказу, все делалось, потому что руководил он находчиво и очень хитро.

Гл. 36. Пройдем теперь в город и посмотрим, какая у жителей его дума и забота, чтобы город спасся от руки Навуходоносора. Царь уже послал в Рим послов, прося помощи и стремясь к соединению с Римом в единомыслии и унии, какая была устроена во Флоренции; и папа должен был получить в Великой Церкви поминовение за богослужением, а патриарх Григорий возвратиться на престол свой: и звал император, чтобы прибыли к нему послы от папы, чтобы папа укротил непримиримую вражду схизмы. И вот послал папа кардинала Польши — некогда был он архиепископом России — Исидора, мужа умного и рассудительного и наставленного в правых догматах, ромя по происхождению; на Флорентийском соборе он был одним из выдающихся отцов. Когда с очень большим кораблем генуэзцев он прибыл на остров Хиос, он прожил там достаточно дней, пока купцы того корабля торговали: что было нужно, отдавали, а что им требовалось, получали; — ожидали они к тому же и другой корабль, который должен был плыть вместе до Кафы. Итак, кардинал, имея с собой до пятидесяти человек из итальянцев, нанял за плату и других многочисленных латинян с Хиоса. И вот, когда показался ожидаемый ими корабль, вышли они из Хиоса и поплыли в Константинополь, прибыв в него в ноябре месяце 6961 г. И царь принял их ласково и оказал им, как приличествовало, почести. Дошли они, наконец, и до разговоров об унии и нашли, что царь был согласен на это, как и отдельные из церковников. Наибольшая же часть священнического и монашеского чина — игумены, архимандриты, монахины, — все были против. Что я говорю: «наибольшая?» Монахины побуждали меня говорить и писать, что никто, мол, не соглашался на унию и что даже царь сам соглашался притворно. Тем не менее те из клириков, — священники и диаконы, — которые показывали себя держащимися постановления об унии, и царь с синклитом, придя в Великую церковь, пожелали совершить там богу в общем единомыслии литургию и нековарной мыслью вознести ему молитвы. Тогда схизматическая часть, явившись в монастырь Пантократора, к келье Геннадия — некогда Георгия Схолярия, — говорила ему: «А мы что будем делать?». Тот же, быв в затворе, взял бумаги, написал свое мнение и чрез записку объявил и совет свой. А написанное объявляло так: «О, жалкие ромен! Зачем вы сбились с праведного пути: удалились от надежды на бога и стали надеяться на силу франков; вместе с городом, в котором скоро все будет разрушено, отступили вы и от благочестия вашего? Милостив буди мне, господи! Свидетельствую пред лицом твоим, что неповинен я в этом. Обратите, несчастные граждане, внимание: что делается? Вместе с пленом, который скоро постигнет нас, вы отступили и от отеческого предания и стали исповедывать нечестие. Горе вам, когда придет на вас суд божий!» Это и другое, еще большее, написав и прикрепив написанное к двери своей кельи гвоздями, он затворился опять внутри, а бумага стала читаться. Тогда монахины, считающиеся в народе чистыми и посвящающими свою жизнь богу и православию, — по состоявшемуся у них постановлению и по указанию учителя их Геннадия — все, вместе с игуменами и духовниками, а также с остальными иереями и с мирянами, стали выкрикивать анафему и проклинали и постановление Флорентийского собора и возлюбивших его, и

любящих, и имеющих любить. И вот беспорядочная и праздношагающая толпа, выйдя из ограды монастыря в харчевни, с бокалами, полными несмешанного вина в руках, стала анафемствовать там униатов и пить в честь иконы богоматери, призывая ее быть заступницей и защитницей города, — как некогда против Хозроя и Хагана, и арабов, так и теперь против Магомета: «Ибо, — говорили они, — ни помощи латинян, ни унии мы не желаем; пусть удалится от нас богослужение азимитов!» Христиане же, собравшиеся в Великой церкви, учинив к богу пространное моление и выслушав речи кардинала, возлюбили соборное определение об унии: и в полном согласии постановили, чтобы, когда минует турецкая осада и настанет спокойствие, некоторые из авторитетных с той и другой стороны мужей в заседании рассмотрели бы соборные постановления и, если есть у них что не совсем правильное, исправили бы. Итак, в том же полном согласии пожелали, чтобы в Великой церкви служилась общая литургия, совершаемая совместно итальянцами и греками и чтобы поминали в диптихах при этом папу Николая и выбывшего из отечества патриарха Григория. Священное же это тайнодействие совершено было в месяце декабре, 12-го дня, 6961 г. А были многие и такие при этом, которые не приняли просфоры антидора, как мерзкой жертвы, совершенной на униатской литургии. Кардинал же ясно видел всякое сердце и всякое намерение греков, потому что не скрыться было от него обманам и хитростям греков. Но, так как и сам он происходил из того же самого народа, то поспешил он, хотя и с небольшим рвением, помочь городу: и довольствовался он лишь изложением папе в защитительной речи того, как происходило дело; большее же возложил он на бога, все строящего к полному концу. Но чернь грубая, враг прекрасного, корень высокомерия, ветвь тщеславия, цвет гордости, выжимки рода эллинов, истинное презрение, презирающее другие людские народы, все сущее считала не сущим. Поэтому, когда приверженцы унии беседовали со схизматиками, последние говорили так: «Оставьте! Посмотрим сначала, истребит ли бог этого врага, который стоит против нас, — этого великого дракона, хвастающего, что совсем проглотит город: и тогда вы увидите, соединимся ли мы с азимитами».

Говоря это, не соображали несчастные, какие великие клятвы давали они для устроения и единомыслия христиан, т. е. церквей: на соборе в Лионе, бывшем в дни первого Палеолога, — на соборе во Флоренции, бывшем в дни последнего василевса из Палеологов, и, наконец, теперь, на божественном и священном этом тайнодействии. Все эти данные ими клятвы, с прошениями во имя св. троицы, от которых и разрешить нельзя, должны истребить с земли самую память о них, а с ними вместе и память о городе. Несчастные! Что вы о пустом заботитесь в сердцах? Вот священники твои, и монахини, и монахи твои, и блюстители храмов твоих, и блюстительницы, которые не пожелали причаститься пречистого тела и крови из рук греческих священников, совершающих божественные тайны по церковному преданию Востока, называя эти обряды оскверненными и нехристианскими; вы избегаете благословения священников и именуете храмы языческими капищами, а завтра будете преданы в руки варваров и осквернены и загажены и душой и телом. Ибо собственными глазами видел я монахиню, наставленную в божественных словесах, не только евшую мясо и носящую на теле одежды варваров, но и приносящую лжепророку жертву и без стыда исповедующую нечестие.

Но что же было сделано в то время, как проходил этот промежуток в пять месяцев? Ибо вслед за ним настанет и тот, следующий страшный день, — и с воплями о нем будет рассказано. Итак, послал царь некоторых

из своих архонтов на острова и в другие христианские области закупать хлеб и всевозможные плоды и иные припасы, так как весной ожидали прибытия тирана. И скопилось четыре огромных корабля со всем необходимым на острове Хиосе: с хлебом, вином, маслом, сушеной вишней, сладкими рожками, ячменем и всяким другим видом плодов. Ожидали еще один грузовой корабль из Пелопоннеса. И, когда дождались, пять кораблей с рослыми и мужественными моряками, — а я бы сказал: и с многочисленными, и хорошо вооруженными, — спустился и начал поплыли в Константинополь. И были все острова в беспокойстве и печали по поводу города. И одни люди думали, что город будет завоеван и взят варварами; другие же полагали, что, как отец и дед Магомет, желавшие взять его, оказались впустую трудившимися, так и он сам пойдет, вероятно, по той же самой протоптанной дороге.

Гл. 37. Итак, когда прошел месяц январь и начался февраль, приказал Магомет перевезти бомбарду к Константинополю: и запрягли тридцать упряжек, и тащили ее позади себя 60 быков; я сказал бы: быки быков. А с боков бомбарды — по 200 мужчин с каждой стороны, чтобы тянули и уравнивали ее, чтоб не упала в пути. А впереди упряжек — 50 плотников, чтобы готовили деревянные мосты для уравнивания дороги, — и с ними 200 рабочих. И так прошел февраль и март до того, как оказалась она в месте, расположенном от города в 5 милях. Ибо незадолго до этого времени в укрепления Понта, т. е. Месемврию, Ахелбон, Вилон и остальные, был послан с войском Караджа-бек и присоединил их. Подобным же образом, взяв штурмом и расположенные у Селимврии башни святого Стефана, всех, кто был внутри их, перебил. Остальные же učinили поклонение, как и крепость Эпиваты. Итак, которые сдались, спаслись нетронутыми; те же, которые оборонялись, были обезглавлены. Селимврия же мужественно оборонялась до взятия столицы. Итак, когда бомбарда была привезена на место, куда было приказано, а Караджа-беку дано было приказание охранять ее, он поспешил с войсками, с одной стороны, опустошить окрестности города, а с другой, не дать ромеям возможности выйти из ворот города. А были там и в течение всей зимы расположены на зимних квартирах три отряда из Мизии и Пафлагонии для несения стражи, чтобы не вышли ромеи и не сделали набега на турок. Итак, вторжение было великое, и ромеи не могли выйти. Но в то же время с моря, на биремах и триремах, они опустошали расположенные по морскому берегу до Кизика турецкие местности и многих взяли в плен: и одних убили, других же, приведя в Константинополь, продали...

... Тиран от начала месяца марта во все области послал вестников и глашатаев, приказывая всем вступать в войско, снаряженное против города. И вот люди, которые были записаны на военную службу, стали стекаться. О незаписанных же, исчисляемых десятками тысяч, кто расскажет? Ибо бежал всякий и каждый, кто слышал что против города: лишь не бежали малые дети, которые еще не могли ходить, так и старики, которые уже не могли бежать. Граждане же молили бога, чтобы не пришел тиран во святую седмицу, потому что слышали, что тиран — на колеснице и уже идет. Итак, в пятницу недели обновления Навуходоносор у ворот Иерусалима. И раскинул он свои палатки против ворот Харса, позади холма. И все воинство его — от Ксилопорты, лежащей близ дворца, до Золотых ворот, что к югу; и опять от Ксилопорты до Космидия и от юга — на равнину, которую опоясывали вокруг виноградики: и были эти виноградики еще раньше опустошены Караджой. И осадил Магомет город в апреле, в шестой день, в пятницу после Пасхи. Граждане же города:

от того дня, в который как бы произошло в Великой церкви церковное воссоединение, убегали от нее, как от иудейской синагоги: и не было в ней ни приношения, ни всесожжения, ни фимиама. Если какой из иереев случайно совершал в ней богу в выдающийся день литургию, то молящиеся стояли в ней до момента приношения святых даров, и тогда все выходили: как женщины, так и мужчины; как монахи, так и монахини. Что надлежит сказать по поводу этого? Храм этот они считали капищем, а жертву — приносимой Аполлону. Об этом и Исайя говорит, как бы из уст бога: «Вот я переселю народ этот; непременно переселю их; и погублю мудрость мудрых их и разум разумных развею. Горе скрытно устроющим совещания, — совещания не по господу! Устроющие втайне совещания, думают, что будут во мраке дела их, и говорят: «Кто нас видел? Кто узнает о нас или то, что мы делаем?» По этой причине говорит господь следующее: «Горе вам, дети мой — отступники: вы сделали совещание не по мне и договорились не по духу моему, но чтобы приложить прегрешения к прегрешениям». Геннадий же не переставал каждый день поучать и писать против униатов и сплетал силлогизмы и ответы против мудрейшего и блаженного Фомы Аквината и его сочинений и против господина Димитрия Кидония, объявляя их еретиками; помощником и сообщником имел он из царского совета первого советника, великого дуку, — того самого, который, когда ромей увидели бесчисленное турецкое войско, осмелился сказать против латинян, а скорее — против города: «лучше видеть царствующей среди города турецкую чалму, чем латинскую тиару», — ибо жители города, отчаявшись, говорили: «О, если бы отдан был город в руки латинян, именующих Христа и богородицу, и если бы не были мы ввергнуты в лапы нечестивых!» Тогда и он произнес это. Но относительно его еще Исайя сказал, как и Езекия: «Выслушай слово господя Саваофа: «Вот придут дни, — и возьмут все в доме твоём. И все, что собрали отцы твои до дня сего, пойдет в Вавилон, чтобы ничего не было оставлено тебе. И из детей твоих, происходящих от тебя, которых ты родишь, возьмут и сделают их евнухами в доме царя вавилонского»».

Гл. 38. Итак, царь Константин вместе с живущими в Галате генуэзцами, насколько была возможность, в высшей степени заботился о защите города, ибо и генуэзцы полагали, что если бы город был взят, то и их укрепление делается пустынным. Поэтому еще раньше послали они в Геную письма, прося помощи: и ответили им оттуда, что на помощь Галате уже идет один корабль с 500 тяжеловооруженных. Да и венецианские торговые триремы прибыли из Мэотийского залива и реки Танáис и из Трапезунта; царь и живущие в городе венецианцы не позволили им уйти в Венецию, и они остались на случай помощи городу. Подобным же образом прибыл из Генуи некто по имени Иоанн Лонг, из рода Джустиниани, с двумя преогромными кораблями, имея на них вместе с вооруженными генуэзскими воинами и военные машины, — многие и прекрасные, дышащие яростным духом. И был этот Иоанн муж искусный, а в схватках и в военных сражениях сомкнутым строем весьма опытный. Царь принял его с честью, и наделил его воинов жалованьем, и осыпал милостями, и почтил его саном протостратора, — и он взял на себя охрану лежащих у дворца стен. Ибо видели, что тиран водружает там для метания каменных ядер пушки и всякие другие приспособления для разрушения стен. Подарил он также ему чрез хрисовульную грамоту и остров Лемнос, если Магомет будет отбит и возвратится назад, ничего не достигнув из того, что он с дерзостью надеется получить от города. Итак, с этого времени латиняне вместе с Иоанном сражались героически, выходя из ворот города и стоя во внешнем укреплении и по рову. Часто, выскакывая и за ров,

вступали ромей в рукопашный бой с турками, иногда отступая, иногда же захватывая пленных. Но это не приносило ромеям пользы, ибо, по правде сказать, один ромей был против двадцати турок. Как могли они лицом к лицу сражаться с турками и уцелеть? Поэтому был дан совет такой, чтобы ромей сражался со стен на передовых укреплениях: одни при помощи метательных копий, другие посредством стрел, иные же при помощи свинцовых ядер, выпускаемых благодаря пороху по пяти и десяти сразу: величиной мелкие, как черноморские орехи, и обладающие такой пробивной силой, что если бы случилось ядру попасть в носящее железные доспехи тело, то, пронзив и защиту и тело, оно выходит наружу и, если случится при этом другое, перескакивает в другое, а затем из него в следующее, пока не ослабеет сила заряда. И при помощи одного выстрела можно убить двоих и троих. Но и турки научились этим пользоваться, а, в то же время, и сами подобным образом поражались.

Итак, когда половина апреля была проведена в незначительных схватках, то, так как тиран собирался на большее, были стянуты поэтому воины отборные и наилучшие: свыше числа, можно сказать. Те, кто рассматривал их, говорили, что свыше 400 тыс. А галатские генуэзцы еще до прихода тирана, находившегося еще в Адрианополе, послали послов, возвещая искреннюю к нему дружбу и возобновляя написанные раньше договоры. И он отвечал, что он — друг их и не забыл свою любовь к ним, — только чтоб не оказались они помогающими городу. И они обещали. Однако, как показал конец, один из них смеялся над другим. Ибо жители Галаты думали, что теперь все будет как прежде, когда город был осажден предками тирана, которые ничего не добились и ушли с пустыми руками, а жители Галаты и им свою дружбу выказали, и горожанам, по мере своих сил, помогали. Так и теперь обманно они выказывали ему дружбу, на самом же деле тайно помогали в войне городу. А тиран в свою очередь думал: «Дозволю я, чтобы змея спала, до тех пор пока поражу дракона, и тогда один легкий удар по голове, и у ней потемнеет в глазах». Так и случилось.

Тогда были стянуты к городу по морю и корабли его с триремами, биремами и легкими судами — числом до 300. Городская же гавань была заперта цепью, протянутой со стороны городских ворот, называемых «Красивыми», к стороне Галаты; ромейские корабли непрерывным рядом стояли внутри, держа под наблюдением гавань и цепь.

Кораблей же, о которых мы говорили, было пять: один из них был царский и вез хлеб из Пелопоннеса, другие же четыре были наняты царем в Генуе и до марта месяца по некоторым своим надобностям стояли еще на Хиосе. Когда наступил апрель и хотели они поднять якоря, северный ветер загородил им дорогу. И были граждане Константинополя в великой печали, — равно как и экипажи. Когда же северный ветер ослабел и перестал и начал дуть южный, корабли вышли из Хиосской гавани. И хотя в первый день он дул незначительно, во второй усилился, и по его воле неслись корабли. И стояли жители Константинополя, с нетерпением от этого ожидая прекрасного результата, хотя и не получили пока никакой пользы. Итак, когда показались корабли, тотчас тиран, как дикий дракон, устремился с гневом на свои триремы и остальные корабли, говоря и приказывая им сделать одно из двух: или корабли взять, или воспрепятствовать им войти в гавань. Тогда турецкие суда вышли в море и остановились, ожидая прибытия наших кораблей вне гавани за Золотыми воротами. Корабли же наши шли по той же самой дороге и желали пройти акрополь Мегадимитриос, чтобы войти в залив Золотого рога, но кораблям противостояли турецкие суда. А море в тот час было спокойно, ибо

ветер не дул. И можно было видеть удивительное зрелище, ибо усеянное тремьями турецких парусов и пятью величайшими из кораблей море превратилось как бы в сушу, а тучи дротиков препятствовали опускаться в воду весла. Моряки же генуэзских кораблей, как орлы крылатые, сверху, как молнии, низвергали из метательных машин снаряды и разбивали неприятельские корабельные снасти, — и страх немалый сделался у турок. Тиран же, вследствие безмерного чванства, верхом на коне устремившись в море, хотел было пересечь пучину и на коне доплыть до своих кораблей, настолько он был сердит на своих; за ним последовало и войско в военных доспехах. В это время подул ветер, паруса надулись, и генуэзские корабли, разрезая турецкие суда, поплыли, держа путь в гавань: турецкие же суда остались стоять на месте. Если бы, конечно, флот варваров был в это время впереди генуэзских кораблей, пять этих кораблей могли бы пустить ко дну и все триста. Тиран же, не зная морской науки, только каркал. Великий же начальник флота не хотел его слушать, так как приказывал он противно разуму. Тогда разгневанный тиран приказал флоту отойти в Диплокионий, а великого начальника флота велел привести пред лицо его. Итак, когда он был приведен и брошен на землю и четырьмя прислужниками был растянут на земле, вождь сам своими собственными руками стал бить его, дав сто ударов золотой палкой, головка которой, сделанная из чистого золота, была весом в 500 фунтов; эту палку на пробу он соорудил, чтобы наказывать ею. Человек же этот, именуемый сыном Пáлда, происходил из болгар: от одного из архонтов Болгарии. Задолго до этого он обращен был в рабство, отрекся от отческого благочестия и стал наследственным рабом Магомета. Это был тот самый, который за четыре года до того ходил на Лесбос и взял там бесконечное количество пленных. Однако своим морякам не был он хорошим другом, отнимая у них добычу. И когда один из азапидов увидел его от тирана оскорбленным и избитым, он, подняв камень и ударив его по виску, выбил ему один глаз. Корабли же пришли в гавань и жители города, опустив цепь, дали им дорогу. Тогда тиран, увидев, что в гавани имеется больших кораблей восемь, а малых за двадцать и, кроме того, царские триремы и триремы венецианцев и очень много других малых, понял, что невозможно завладеть гаванью; однако пришла ему в голову отважная и достойная война мысль. Приказывает он, чтобы напрямик были пройдены лощины, лежащие позади Галаты, — от участка, что к востоку, внизу Диплокиония, до другого пункта Галаты, лежащего на берегу залива Золотого Рога против Космидия. И когда сделали, насколько могли, путь гладким, то, поставив биремы на катки и оснастив их парусами, приказал он тянуть суда по суше от переправы священного Стомия и ввести их в залив Золотого Рога. И тянули суда: и на каждом находился начальник гребцов и другой, сидящий на рулях; третий же, управляя снастями, приводил в движение паруса; иной бил в бубен, другой же подыгрывал на трубе, пел морскую песню. И, плывя так с попутным ветром, прошли они всю сушу, — лощины и потоки, — пока, наконец, не достигли залива и не ввели в него восемьдесят бирем; остальные же оставил он там, где они стояли раньше. Кто видел что-либо подобное? Или кто слышал? Ксеркс построил мост через море, и все его столь многочисленное войско прошло поверх моря, как по суше. А этот новый Александр Македонянин и, как мне кажется, из рода своего тиран последний, сушу превратил в море, и как по волнам, перевел корабли по вершинам гор. Но этот выше Ксеркса. Ибо тот, перейдя Геллеспонт, был посрамлен афинянами и повернул назад. Этот же, перейдя сушу, как море, сокрушил ромеев и взял воистину золотые Афины, украшающие мир, — городов царицу.

Так обстояли дела на море. На суше же преогромную бомбарду поставил он насупротив стены близ ворот святого Романа. И взял бомбардир прицел, ибо сбоку имел он еще две сооруженные бомбарды, выбрасывающие искусно приготовленные ядра весом примерно в 50 фунтов. И, когда хотел он разрядить большую, то прицеливался, посылая снаряд сначала из малой. И тогда по прицелу стрелял и из самой большой. И когда ударил первый выстрел и услышали жители города треск, они немели от ужаса, а затем стали кричать: «Господи, помилуй!».

... Тогда сбылось реченное от бога чрез Иеремию, говорящего: «К чему ты приносишь мне ладан из Савы и корицу из земли издалека? Всесожжения ваши неприятны, и жертвы ваши не в сладость мне». Посему следующее говорит господь: «Вот я даю на народ этот бессилие, и расслабуют в нем отцы и сыновья вместе; погибнут сосед и ближние его». Следующее говорит господь: «Вот идет народ с севера и племя великое и цари многие поднимутся от края земли; луком и мечом хорошо они будут владеть; народ этот дерзкий и лишенный жалости; голос его — как море волнующееся; на конях и колесницах они выстроятся, как огонь, на войну с тобой, дочь Сиона». Мудрец же зла оного, бомбардир, предусмотрел некий способ, чтобы бомбарда не была разорвана. В самом деле: мы знаем, что бомбарда выпускает снаряды. Поэтому, после того как разряжалось орудие, если оно не предохранялось, будучи прикрываемо войлоками из толстой шерсти, обычно оно тотчас же, как стекло, давало трещину. Однако даже и после такой заботы, дважды или — много — трижды выстрелив, орудие раскалывалось, когда воздух проникал в образовавшиеся пустоты и углубления металла. Что же бомбардир сделал? После того как из пушки, кипящей от испарения селитры и серы, был выброшен снаряд, тотчас же канонир обильно смазал ее маслом и легко стала она производить выстрелы, пока не довершила разрушения города. И еще после этого сохраняется она целой и действует по желанию тирана.

Итак, выстрелив и потрясши стену, канонир хотел вторично бросить в то же самое место еще одно каменное ядро. Находившийся тут посол Янка посмеялся над выстрелом, говоря: «Если хочешь, чтобы легко упали стены, направь пушку в другую часть стены, отступив от места попадания первого снаряда саженей пять или шесть, — и тогда, равняясь по первому, мечи другой снаряд. А когда аккуратно попали два крайних, тогда бросай и третий, — так, чтобы три снаряда находились в фигуре треугольника, и тогда увидишь, как эта часть стены упадет на землю». Понравился этот совет, и канонир так и сделал, — так и вышло. А чем именно был нужен венгр, когда дал этот совет тирану, сейчас расскажу. Царь Венгрии в том году получил Римскую империю и папою Николаем был коронован, и препоясавшись во власть свою; и удален был от опекунской власти Янк, и восприял все попечение об управлении царь, он же и император. Имея же клятвенные с Магометом договоры о дружбе, утвержденные на три года, — когда уже исполнилось полтора, объявил Янк Магомету: «Государственную власть передал я господину моему и с настоящего времени не могу отвечать за то, что обещал: возьми писания, которые ты дал, и дай наши и делай с царем Венгрии, что хочешь». Это и было причиной прибытия посла. Относительно же совета, который, как христианин, не должен он был давать, пишу так, как слышал. Говорят, что когда после третьего поражения Янк, спасаясь бегством, возвращался в отечество не как хотел и не как было прилично, он встретился с одним из духоносных мужей и рассказывал ему обстоятельство поражения, сетуя на то, что счастье оставило ромеев и с веселым лицом стало взирать на нечестивых. Старец же отвечивал: «Знай, сын: не будет улыбаться

счастье христианам, если не придет ромеям окончательная гибель. Ибо необходимо, чтобы Константинополь был разрушен турками: тогда и неудачи христиан будут иметь конец». Итак, зная и об этом пророчестве, и о несчастливых предзнаменованиях, посол Янка желал, чтобы город скорее был взят, и своим советом научил турок, как надо стрелять, чтобы легко упала стена. Когда уже рухнули наземь две части стены и стоявшая в середине между ними башня, и когда упала башня в воротах святого Романа, неприятели увидели тех, кто был внутри и сами стали видимы им. Иоани Джустиниани со всеми, кто был подчинен ему, и с дворцовыми воинами храбро сражался, а вместе с ним и небольшая часть вооруженных мужей из Галаты, ибо и они показывали любовь к городу. И, выходя из стен Галаты, безбоязненно проводили они время на равнине турецкого лагеря и в изобилии давали тирану все необходимое и искомое: и масло для орудий и иное, если что требовали турки. Тайно же помогали они ромеям и, переправляясь к ним ночью, вместе с ними сражались весь день; когда же наступала ночь, сменялись в городе другие, а они проводили время в своих домах или в турецком лагере, чтобы скрыться в том деле от турок. Венецианцы же вместе с ромеями сражались против турок в Царских воротах до Книнга. Великий же дука с 500 вооруженных обходил весь город, одушевляя повсюду воинов и проверяя караулы и определяя число погибших: и делали это каждый день. Ибо не предпринимал нечестивец подлинного штурма, выжидая момент, усматриваемый его гадаателями. Царь же, увидев стены упавшими, стал истолковывать это и как недоброе знамение для города и как несчастье для себя самого, ибо со времен Константина святейшего в столь великих войнах со скифами, персами и арабами никогда еще не случалось, чтобы упал со стен хотя бы один камень весом хотя бы в один фунт. Поэтому теперь, увидя все это: и столь великое бесчисленное войско, и флот столь сильный, и путь широкий, открытый врагу в город, — царь пришел в отчаяние, потерял всякую надежду и, послав послов, просил тирана, чтобы он наложил, какую хочет, ежегодную дань, даже свыше силы, — и прочее, чего ищет, — только чтобы удалился отсюда, дал и возлюбил мир. Тиран же сказал: «Невозможно, чтобы я удалился: или я возьму город, или город возьмет меня, — живым или мертвым. Если же ты хочешь удалиться из него, то после заключения мира я даю тебе Пелопоннес, а им, твоим братьям, дам другие области, и будем друзьями. Если же ты не предоставишь мне входа в город мирно и я войду в него с боем, то всех твоих вельмож вместе с тобою я поражу мечом, а остальной весь народ отдам на разграбление всем из нашего войска, кто пожелает: и опустеет город». Услышал это царь и не мог принять никакого решения, ибо невозможно было допустить, чтобы город из рук ромеев был передан туркам. Ибо, если бы это случилось, — какой путь или какое место или какой христианский для переселения город имели бы ромеи, чтобы их не оплевывали, не поносили и не печалили? И не только христиане, но и сами турки и евреи стали бы презирать их.

Тогда Лонг Джустиниани задумал приблизиться ночью к неприятельским биремам и сжечь их. И вот, приготовив одну из трирем и поместив на ней испытаннейших из итальянцев и всевозможные машинные приспособления, они стояли, ожидая часа. Генуэзцы же Галаты, узнав, что делается, сообщили об этом туркам. А те, всю ту ночь проведя без сна и приготовив пушки, стали ожидать латинян. Латиняне же, ничего не зная о сношениях жителей Галаты с нечестивцами, около полуночи подняли якоря, и трирема без шума приблизилась к турецким судам. Турки же, так как в течение всей ночи они бодрствовали, бросают в порох бомбарды

огонь; и вот выпущен был камень в трирему: с величайшим шумом ударив в нее, он низверг ее вместе с моряками вниз под воду, потопив в глубине. Это ввергло латинян в страх и беспокойство немалое, а Иоанна в немалое уныние, ибо все, свыше полутораэта человек потонувших были с его корабля юноши проворные и очень воинственные. Турки же, став надменными, все подняли великий победный крик, — и те, которые были на кораблях, и те, которые были в палатках; они подняли такой сильный шум, что, казалось, земля на том месте сотрясается, и от страха жители города и жители Галаты все стали звать на помощь. А когда наступил день, турки, радостно и самоуверенно продолжая осаду города и гордясь неожиданным потоплением триремы, вставили в дуло пушки другой камень и тоже преогромный. И вот, когда близ ворот Галаты стоял один корабль, несущий всевозможных видов купеческий груз и думающий плыть в Италию, потому что корабль и груз принадлежали купцам Галаты, турки выпустили в него камень, который разорвал чрево корабля; совершенно разрушенное, это судно затонуло в пучине. Этот дар был воздаянием той нерушимой дружбе, которую оказывали турки жителям Галаты. Ибо в тот же самый день отправились они к турецким вельможам, взывая: «Мы — друзья ваши и, делая дела дружбы, сообщили вам о готовящейся атаке триремы. И, конечно, если бы вы не были извещены нами о ее выходе, впустую были бы все столь великие труды введенных в залив по суше восьмидесяти судов ваших, ибо в пепел и золу, думается, были бы превращены эти суда ромеями. Вы же, вместо благодарности, причинили нам величайший вред». Вельможи ответили: «Не знали мы, что это ваш корабль; но, будучи уверены, что это корабль противников наших, мы так поступили. Сохраняйте спокойствие и молитесь, чтобы мы скорее взяли город. Ибо это уже не за горами, и время этого близко, — и тогда мы рассчитаемся с вами и за ущерб, и за все прочее, чем мы обязаны вам». С этими сладкими словами ушли жители Галаты, не зная, несчастные, что спустя немного времени с ними самими и городом их произойдет то же, что с городом Константина.

Тиран же построил и мост деревянный: от берегов Галаты в сторону Киниға. А постройка его шла так: приказывает тиран собрать свыше тысячи пустых винных бочек; и связали их канатами, — так, чтобы получился длинный ряд бочек и еще один ряд, подобный первому; затем, соединив и скрепив оба ряда и приколотив с обеих сторон бревна, настлали поверх доски. И был мост такой ширины, чтобы без труда проходили по нему пять пеших воинов.

Гл. 39. Итак, приготовив все, как ему казалось прекрасно, послал Магомет послов внутрь города сказать царю: «Знай, что все к штурму уже приготовлено, и теперь наступает время осуществить принятое нами задолго до сего в сердце. Исход же нашего намерения оставляем богу. Что скажешь? Хочешь ли оставить город и уйти отсюда вместе с твоими архонтами и имуществом их, чтобы народ не потерпел вреда и от нас и от тебя? Или хочешь сопротивляться и вместе с жизнью потеряешь и имущество и ты, и те, кто с тобой, а народ, плененный турками, будет рассеян по всей земле?» Царь же с синклитом отвечал: «Если ты желаешь, подобно отцам твоим, жить в мире с нами, — благодарение богу. Ибо те родители моих за отцов считали и так почитали их, город же этот за отчизну; ведь во время опасности все они входили внутрь его и спасались здесь. А тот, кто нападал на него, не жил долго. Владей же несправедливо похищенными у нас укреплениями и землей, — мы признаем это справедливым; отстригай и дани, — такие, какие по нашей силе мы можем ежегодно дать тебе, — и уйди в мир. Ибо, как знать: надеюсь получить при-

быль, оказался ли бы ты получившим прибыль? А отдать тебе город не в моей власти, да и не во власти обитающих в нем. Ибо по общему нашему решению все мы добровольно умрем и не пощадим жизни нашей».

Услышав это и отчаявшись без боя получить город, тиран приказал, чтобы сказано было об этом во всем войске. И сделал он известным день штурма, присовокупив при этом, что не ищет себе никакой другой добычи, кроме зданий и стен города. «Другое же всякое сокровище и пленные пусть будут вашей добычей», — сказал он. Тогда все благодарили его. Когда же настал вечер, то, послав кругом в лагери глашатаев, повелел он в каждой палатке зажечь большие огни и костры. Когда были зажжены огни, повелел он поднять всем, с шумом и воплем, нечистый их воинский клич, обличающий их нечестие. И видно было и слышно необыкновенное диво: ибо огни, излившись на землю и море, яснее солнца освещали весь город, Галату, все корабли и суда дальше Скутари. И вся поверхность моря так блестела, как, сказал бы кто, при молнии. О, если бы на самом деле была молния, не освещающая только, но сжигающая и уничтожающая! Ромеи же думали, что начался пожар в неприятельском лагере, и выбежали на развалины стен. И, видя их пляски и слыша радостные военные кличи, представили себе свое будущее, и с сокрушенным сердцем взывали к богу: «Господи! Пощади нас в праведном гневе твоём и избавь нас от рук супостата!» Простолюдины, только завидев столь великое зрелище и услышав крик, стали дышать, как полумертвые, не будучи в состоянии ни вздохнуть, ни выдохнуть. Иоанн же был в течение всей этой ночи в трудах и, повелев все находящиеся в городе ветки собрать и положить в развалинах стен, соорудил изнутри [пред внутренними стенами], чтобы защищать разрушенные наружные, другой ров. И увидели ромеи, что вход и выход к ним сделался открытым и что они не могут выйти за ворота и противостоять туркам во внешнем укреплении, не будучи прикрыты упавшими стенами. Некоторые из стариков знали в нижней части дворца один подземный, за много пред этим лет надежно укрепленный, выход, и, когда известили об этом царя, по его приказанию он был открыт: и вышли из него, защищаемые сохранившимися здесь в целости стенами, и на валу сразились с турками. Имя же тех потайных ворот было некогда «Керкопорта».

В воскресенье повелел тиран начать общий штурм. С наступлением вечера не давал он покоя ромеям всю ночь. Это воскресенье пришлось на день всех святых, на 27 мая. Когда же засиял день, начал он штурм не столь великий до часа девятого. После же девятого разместил войско от дворца до Золотых ворот, а восемьдесят судов от Ксилопорты до Платеи. Другие же суда, стоящие в Диплокионии, окружили с моря город, начиная от Красивых ворот вдоль Мегадимитриоса, акрополя и Малых ворот, что в монастыре Одигитрии, вдоль Великого дворца и порта, вплоть до Бланка; каждый из кораблей был снабжен лестницами, равными высоте стен, и всяким другим снаряжением. Итак, когда зашло солнце, раздался сигнал, и сам тиран во втором часу ночи выехал верхом на коне и была схватка весьма великая. На упавших стенах защитники сражались с его верными рабами, молодыми и весьма сильными, числом свыше 10 тыс., обороняясь как львы. Позади же и с флангов — мужи воинственные, конные, свыше 100 тыс. В нижних же частях до гавани Золотых ворот — другие 100 тыс. и свыше; а от места, где стоял вождь, и до оконечности дворца — еще 50 тыс.; а на палубах судов — свыше числа. Защитники города разделились: царь с Иоанном Джустиниани был на упавших стенах, вне укрепления, на валу, имея с собой примерно 3 тыс. латинян и ромеев; великий дука — в царских воротах, имея примерно 500; стены же

против моря и укрепления от Ксилопорты до Красивых ворот охраняло свыше 500 метальщиков и стрелков; от Красивых ворот, делая весь круг до Золотых ворот, в каждом стенном зубце стоял один стрелок или метатель дротиков, или метальщик камней. Итак, всю ночь они провели без сна и совсем не ложились спать. Турки же с вождем спешили приблизиться к стенам, неся бесчисленные, заранее приготовленные лестницы. Итак, тиран, стоя позади войска с железной палкой, гнал своих стрелков к стенам — где льстя словами, а где и угрожая. Защитники города мужественно противоборствовали, сколько хватало сил. Иоанн же отважно присутствовал со своими тут же, имея и царя в военных доспехах: и оба они со всем своим войском противоборствовали.

Итак, когда военное счастье уже склонялось на сторону турок, отъял бог из среды войска ромеев вождя их — гиганта, воителя и человека огромного влияния. Ибо, когда было еще темно, свинцовой пулей он поражен был в руку, и пробила пуля его железные доспехи, которые были, впрочем, изготовлены, как оружие Ахиллеса, — и не мог он больше, вследствие раны, держать себя спокойно. И говорит он царю: «Стой отважно; я же пойду до корабля и после перевязки скоро вернусь». Исполнилось в тот час сказанное иудеям чрез Иеремию: «Так скажите Седекии. Следующее говорит господь бог Израилев: вот я обращу против вас военное оружие, которое в руках ваших и которым вы воюете против царя вавилонского и халдеев, окруживших вас вне стены, — и введу их в средину этого города. И буду сражаться против вас дланью простертою и рукой высоко поднятой, с яростью и гневом и раздражением великим: и поражу живущих в городе этом людей и скот смертью великой, и умрут они. Не пощажу их, и не пожалею их». Царь же, увидев, что Иоанн удаляется, оробел, как и те, которые находились с ним; однако, сколько было силы, сражались. Турки же, понемногу приблизившись к стенам, неся щиты, стали приставлять лестницы. Однако ничего не достигли, потому что препятствовали им, бросая сверху камни, так что, в конце концов, встречая препятствия, остановились. Ромен же все вместе с царем были поставлены в боевой против врагов порядок, и вся их сила и намерение были направлены к тому, чтобы не допустить, чтобы с упавших стен открылся туркам вход в город: а тем временем пожелавший этого бог тайно ввел их в город другой дорогой. Увидев ворота, о которых мы говорили выше, отпертыми и ворвавшись внутрь города, до пятидесяти из названных мужей, рабов тирана, поднялось на стены и, дыша огнем, убили вышедших им навстречу и стали сшибать с ног стрелков. И можно было видеть полное содрогания зрелище, ибо ромен и латиняне, препятствующие придвигающим к стенам лестницы, одни были ими рассечены, другие же, закрыв глаза, падали со стены, сокрушив тела и ужасным образом лишаясь жизни. Лестницы же стали турки приставлять теперь беспрепятственно и поднимались на стену, как орлы летящие.

Ромен же, бывшие с царем, не знали о происшедшем, потому что ворвались турки в город далеко, а, кроме того, и потому, что все их внимание было направлено на сражающихся против них. Ибо сражающихся с ними турок, мужей воинственных, было двадцать против одного ромея, да к тому же ромен не были столь великими воинами, как сражавшиеся против них турки. Итак, и цель их и забота были направлены против тех. Вдруг в это время видят они стрелы, устремляющиеся на них сверху и поражающие их. Посмотрев вверх, видят они турок: увидев же, обратились в бегство. И, не будучи в состоянии войти чрез ворота, называемые Харсийскими, теснят они в толпе друг друга: те же, которые имели больше сил, растапывая слабых, входили. Тогда войско тирана, увидев бегство

ромеев, в один голос завопив, вбежало за наружную стену, топча несчастных и убивая. Ворвавшись туда, они не могли вступить в ворота внутренней стены, потому что те были загорожены телами упавших и испутивших дух. Поэтому весьма многие стали входить в город со стен через их развалины, а выходящих им навстречу убивали. Царь же, отчаявшись, стоя и держа в руках меч и щит, сказал следующее достойное скорби слово: «Нет ли кого из христиан, чтобы снять с меня голову?» Ибо он был совершенно покинут всеми. Тогда один из турок, дав ему удар по лицу, ранил его; но и он дал турку ответный удар; другой же из турок, оказавшийся позади царя, нанес ему смертельный удар, и он упал на землю. Ибо они не знали, что это царь; но, умертвив его, оставили, как простого воина. Когда же турки вошли, не потеряли они никого, кроме троих. А был первый час дня, когда солнце еще не засветилось над землей. Когда же они вошли и рассеялись от ворот Харсийских до дворца, каждого вышедшего им навстречу убивали, равно как и бегущего. Итак, они убили мужей-воинов до 2 тыс. Ибо турки боялись, потому что всегда они считали, что внутри города самое меньшее будет воинов примерно 50 тыс. Поэтому они и убили 2 тыс. Ибо, если бы они знали, что войско не превосходит 8 тыс., не стали бы они убивать кого-либо, ибо жаден до денег род этот: если даже убийца отца попадет им в руки, и того за золотом они отпускают. Что и говорить о том, кто не причинил этому роду обиды, но сам от него терпит их? И в самом деле: после войны я встречался со многими из них, и они рассказывали мне: «Боясь тех, которые впереди, мы убивали всех, кто попадался раньше других. Ибо, если бы мы знали, что в городе такой недостаток воинов, мы всех, как овец, продали б».

Пехотинцы же дворца тирана, которые называются также янычарами, одни побежали во дворец, другие же к монастырю великого Предтечи, называемому «Пётра», и в монастырь Хоры, в котором находилась тогда и икона пречистой моей богоматери. О, язык и уста, намеревающиеся высказать, что случилось с иконой из-за прегрешений твоих! Отступники торопились бежать и в другие места: и вот один из нечестивцев, протянув топор, при помощи нечистых рук своих разделил ее на четыре части, и, когда был брошен жребий, каждый взял свою часть с бывшими на ней украшениями, и, похитив драгоценные сосуды монастыря, ушли. Войдя в дом протостратора, отперли они сокровища, издавна, с древних дней, собранные, поднимая благородных женщин с постели, ибо было уже 29 мая, когда утренний сон сладок глазам юношей и девушек; беззаботно, надеясь на себя, спали они, как вчера и позавчера. Тогда многочисленная толпа нечестивцев бегом устремилась к Великой церкви, и везде можно было видеть некоторый ловкий прием, о котором расскажем сейчас. Ибо, когда было раннее утро и день светил еще, как волк глазами, некоторые из ромеев во время вторжения турок в город и бегства граждан прибежали чтобы достичь своих жилищ и позаботиться о детях и женах. Когда они проходили кварталами Тавра и пробегали мимо колонны Креста, их, обрызганных кровью, спрашивали женщины: что же случилось? А когда слышали женщины отвратительную ту речь: «Неприятели внутри стен города и убивают ромеев», сначала не верили этому, и по правде сказать, даже ругали и выражали презрение, как вестнику, накликающему несчастье. Видя же позади этого другого, а после него — иного, всех забрызганных кровью, поняли, что приблизилась к устам чаша гнева господа. И тогда все женщины и мужчины, монахи, монахини побежали в Великую церковь, неся на руках детей своих, оставив дома свои желающему войти. И можно было видеть, что улица забита ими, полна людей. Но разве могли все вбежать в Великую церковь? За много пред этим лет

слышали от неких лжепророков, как город будет сдан туркам и как они войдут внутрь с великою силою и как будут посечены ими ромеи везде — вплоть до колонны великого Константина. После же этого сошедший с неба ангел, неся меч, передаст царство, вместе с мечом, безвестному некоему человеку, найденному тогда стоящим у колонны, очень простому и бедному, и скажет ему: «Возьми меч этот и отомсти за народ господа». Тогда турки обратятся в бегство, а ромеи, поражая, будут преследовать их: и выгонят их и из города, и из областей запада и востока, до пределов Персии, до места, называемого «Монодендрий». Памятуя об этом, некоторые побежали и другим советовали бежать. Решили ромеи теперь осуществить то, что давно было задумано, и говорили: «Если мы оставим позади себя колонну Креста, мы избежим грядущего гнева божия». По этой причине и побежали в Великую церковь. Итак, преогромный храм тот в один час сделался полным как мужчин, так и женщин: и внизу, и вверху, и в боковых пристройках, и во всяком месте толпа бесчисленная. Заперев двери на запоры, стояли, ожидая спасения. О, несчастные ромеи! О, жалкие: храм, который вчера и позавчера вы называли вертепом и жертвенником еретиков и внутрь которого ни один человек из вас не входил, чтобы не оскверниться, потому что внутри его священнодействовали лобызающие церковную унию, — теперь, по причине проявившегося гнева божия, вы ищете в нем спасительное избавление. Но, и когда пришел справедливый гнев божий, не подвинул бы он сердца ваши к миру. Ибо даже в столь великой опасности, если бы ангел сошел с неба, спрашивая вас: «Если принимаете унию и мирное состояние церкви, я выгоню врагов из города», — вы не согласились бы. А если бы и согласились, ложью было бы соглашение. Знают это говорившие немного дней тому назад: «лучше попасть в руки турок, чем франков».

Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли, наконец, к храму, когда еще не миновал первый час утра, и, увидев, что ворота заперты, не мешкая, разломали их топорами. Когда они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника, ибо не было там возражающего или не предававшего себя, как овца. Кто расскажет о случившемся там? Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов, — кто расскажет? Турок отыскивает себе более приятную; вот один нашел красивую монахиню, но другой, более сильный, вырывая, уже вязал ее: причина этой борьбы и захвата — локоны, обнажившиеся груди и сосцы, поднятые от горя руки. Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами. Девы, которых не видело солнце, девы, которых родитель едва видел, влачили грабителями; а если они силой отталкивали от себя, то их избивали. Ибо грабитель хотел отвести их скорее на место и, отдав в безопасности на сохранение, возвратиться и захватить вторую жертву и третью. Насильничали грабители, эти мстители божии, и всех можно было видеть в один час связанными: мужчин — веревками, а женщин — их платками. И можно было видеть непрерывно выходящие из храма и из святилищ храма ряды, подобные стадам и гуртам овец: плачут, стеноют и не было жалеющего. О храме же как я мог бы рассказать вам? Что сказал бы или что крикнул? Прилип язык мой к гортани моей. Не могу я вздохнуть, ибо запечатались уста мои. В одну минуту разрубили собаки святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды святой трапезы. Блестящие лампы — одни портят, другие забирают; драгоценные и священные сосуды священного сосудохранилища, — золотые и серебряные, и из другого ценного вещества приго-

товленные, — в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив. Тогда сбилось и на новом Сионе сказанное от бога чрез Амоса пророка: «Следующее говорит господь бог вседержитель: „Отомщу я жертвенникам Вефиля, и разрушатся; сокрушу рѳги жертвенника, и падут на землю; и дом, окруженный колоннами, сделаю домом разрушенным. И погибнут дома, сделанные из слоновой кости; истреблены будут многие другие дома“, — говорит господь. «Отвернулся я от праздников ваших, и не стану я услаждаться празднествами вашими, и даже, если бы вы принесли мне всежжения и жертвы ваши, смотреть на них не буду. Прочь от меня эхо песнопений твоих, и хвалебную песнь музыкальных инструментов твоих не буду слушать». И сказал господь ко мне: «Приходит конец народу моему Израилю. Не будет больше, чтобы я старался проходить мимо него без внимания: и затрещат потолки храма в день тот», — говорит господь. Итак, послушайте это, утесняющие с раннего утра бедняка и порабащующие нищих земли, — вы, которые говорите: «когда пройдет месяц, и мы займемся торговлей? Когда пройдут субботы, и мы откроем магазины, чтобы сделать меру малой, а вес увеличить и весы сделать неправильными, — чтобы завладеть таким образом серебром бедных и деньгами убогих?» «В тот день, — говорит господь, — зайдет солнце в полдень, и среди бела дня станет темно на земле. И превращу я праздники ваши в скорбь и все песнопения ваши в рыдание».

Случилось так, что в тот страшный день гибели города праздновалась и восхвалялась память преподобной мученицы Феодосии. Совершалось всенародное празднество, ибо очень многие мужчины и женщины с вечера проводили всю ночь у гробницы преподобной. Еще больше пришло народу рано утром, когда наступил день: но женщины с мужьями своими, которые отправились на поклонение в праздничных украшениях и нарядах, неся восковые свечи и курения, неожиданно попались в силки турок. Ибо как могли они заметить разразившийся внезапно гнев божий при столь великой ширине города? Гроза эта, о которой мы говорили, началась и жгла от ворот Харса, и святого Романа, и со стороны дворца. Сопrotивление же кораблей и гавани не давало туркам места приставить здесь к стенам лестницы. Ромеи были сильнее турок, они бросали камни и метали стрелы до третьего часа дня, пока не подошла часть грабщих с раннего утра внутри города турок. Увидев, что ромеи сражаются против тех, которые были вне стен, они, издав из всей мочи крик, побежали на верх стены. Ромеи же, увидев турок внутри города, со скорбным воплем: «Горе мне», — стали падать со стены, ибо не было больше сил и бодрости у ромеев. Тогда и те, которые сражались на кораблях, увидев турок внутри стен, поняли, что город взят, и, как можно скорее, приставив к стенам лестницы, устремились внутрь, а затем и все, разбив ворота, вошли внутрь. Великий же дука, увидев турок, пришедших на место, где он стоял, — ибо охранял он Царские ворота, — тоже отступил с немногими к собственному дому. И, конечно, все они рассеялись: одни, прежде чем достичь своего жилища, были взяты в плен; другие же, достигнув своих жилищ, увидели, что нет в них ни детей, ни жены, ни вещей, и сами они не успевали начать стенать и плакать, как уже оказывались связанными; иные, приходя в свои жилища, заставляли жену и детей уже в руках турок и сами сдавались, и их связывали вместе с любимейшими и супругой. Стариков же и старух, которые находились в доме и не могли выйти из жилища вследствие болезни или старости, турки безжалостно убивали. Младенцев, недавно рожденных, бросали на улицы. Великий же дука увидел, что дочери его, и сыновья, и жена — ибо она хворала, — заперлись в башне и препятствуют туркам войти, и в этот момент сам был схвачен

с теми, кто следовал за ним. Тиран же послал некоторых сторожить и его и весь дом его. Тем туркам, кто схватил его и окружил дом его, великий дука дал достаточно серебра, так, чтобы при помощи их присяги видно было, что он выкупил своих. Итак, со всем своим семейством он охранялся. Турки же, войдя в город, все — даже конюхи и пекари, грабя, уносили награбленное. А Иоанн Джустиниани, о котором была речь выше, отправился на корабль, чтобы была уврачевана рана, которую он получил: вдруг, когда он был в гавани, прибежали бегом некоторые из его воинов, рассказывая, как турки вошли в город и как убит был царь. Услышав это неприятное, горчайшее известие, приказывает он, чтобы глашатаи при помощи труб созвали его тяжеловооруженных и спутников по плаванию. Подобным образом стали готовиться и остальные корабли. Ибо очень многие из них лишились своих капитанов, попавших в плен. И можно было видеть на прибрежной части гавани зрелище, достойное жалости: жалобно кричали мужчины, женщины, монахини, монахи; бия себя в грудь, просили они тех, кто был на кораблях, взять их с собой. Но это было невозможно: предопределено было разом испить чашу, полную гнева господина. Ибо, если моряки и желали, не могли они сделать это, потому что, если бы суда тирана не были заняты добычей и разграблением города, ни один из них не был бы выпущен. Но турки, оставив свои суда, все были внутри города, и латиняне, улучив безопасный момент, вышли из гавани. Тиран же скрежетал зубами, но сделать что-либо большее не мог и против воли смирился. Те же, кто жил в Галате, увидев это неисцелимое бедствие, с женами и детьми побежали на морской берег, разыскивая лодки. И когда находили челнок, садились в него и врывались на корабли, бросая и вещи и жилища. А было много и таких, которые от насилия бросали в глубину и сокровища свои и другой ужасный вред учиняли. Один из везирей тирана, — Заган ему имя, — который был любим тогда Магометом, ибо он рукоплескал тирану, желавшему войны, прибежав в кварталы Галаты, — кричал: «Не бойтесь, ибо вы друзья вождя, и ваш город останется неприкосновенным, и договоры, которые вы имели с царем, — будут еще более прочными; а о другом не заботьтесь, чтобы не возбудить вождя на гнев». Сказав это, Заган стал препятствовать франкам покинуть Галату. Однако кто был в состоянии бежать, убежал. Тогда остальные, посоветовавшись между собой, взяли ключи от укрепления и своего подесту и ушли, намереваясь учинить поклонение тирану. И когда было учинено поклонение и отданы ключи, он с великой радостью взял и отпустил их с веселыми словами и взором. Корабли же — только пять больших натянули паруса; другие же не могли выйти, ибо эти корабли были покинуты моряками, и их капитаны спаслись, убежав с другими. Моряки обратились в бегство, оставив своих капитанов в плену и занялись своим спасением. Итак, выйдя из гавани, когда подул северный ветер, при полных парусах они поплыли, со стенаниями и рыданиями оплакивая бедствие города. Подобным образом поступили и купеческие триремы венецианцев. Турки же, находившиеся на судах, обнаружив вне города весь отвергнутый моряками народ, — мужчин и всех женщин, — собрали их и ввели на суда; остальной же народ, как скот в хлевах, расположился вне города в палатках лагеря.

Гл. 40. Все это происходило от первого часа дня до восьмого. Тогда и тиран, отложив всякое подозрение и страх, вступил внутрь города с везирями своими и другими сатрапами, имея впереди и позади своих рабов, дышащих огнем, и всех стрелков, ростом выше Аполлона, этих новых потомков Геркулеса: каждый готов был противостоять десяти. Подъехав

к Великой церкви, он сошел с коня, вошел внутрь и остановился вне себя от восхищения пред открывшимся зрелищем. Найдя какого-то турка, ломавшего мрамор, спросил его, почему он портит седалище. Тот же ответил: «Веры ради!» А этот, протянув руку, поражает турка мечом, говоря при этом следующее: «Хватит с вас соколовищ и пленных, здания же города принадлежат мне!» Ибо тиран раскаивался в учиненном им догворе, видя расточаемые сокровища и безмерное количество пленных. Вытащив же одного турка из-под ног, выбросили его полумертвым вон. Сам же потребовал одного из своих мерзостных священников: позванный взошел на амвон и пробормотал мерзостную свою молитву. Сын же беззакония, предтеча антихриста, взобравшись на святую трапезу, сотворил молитву. О, горе! О, приводящее в трепет знамение! Выйдя из храма, стал он разыскивать великого дуку, и тотчас представили его к нему. Когда тот пришел и приветствовал его, он сказал ему: «Хорошо вы сделали, что не сдали мне города? Вон сколько вреда произошло, сколько смертей и пленных!». Дука же отвечал: «Господи! Не имели такой мы возможности сдать тебе город: и даже сам царь не мог бы это сделать. Наоборот, даже некоторые из твоих поддерживали царя, и писали ему так: «Не бойся, потому что не отважится он против вас!» Тиран, конечно, понял, что речь идет о Халил-паше, ибо питал гнев на него. Тогда, услышав имя царя, он спросил, не бежал ли император с кораблями. И дука ответил, что не знает, ибо он был в Царских воротах в то время, когда турки пошли на царя в атаку, ворвавшись в Харсийские ворота. Тут отделились из среды войска два молодых человека. Один из них сказал тирану: «Господин! Я убил его. А стремясь скорее войти в город и вместе со своими грабить, я оставил его, покинув мертвым». Другой же сказал: «Я сначала поразил его!» Тогда тиран, послав их обоих, приказал принести его голову. Они же, быстро побежав, нашли и, отрубив его голову, представили вождю. Тиран же сказал великому дуке: «Скажи мне правду: действительно ли это голова твоего царя?» Тогда тот, узнав ее, сказал: «Его, господин!» Смотрели ее также и другие и признали. Тогда приколотили ее на колонне площади Священного дворца, и стояла она до вечера. После же этого, ободрав ее и набив содранную кожу мякиной, послал он это повсюду, показывая этот знак победы вождю персов и арабов и всем туркам. Другие говорят, что дука находился с Орханом в башне укрепления, которое защищали франки, и там сдался, видя, что нельзя было больше противостоять туркам. Там же, вместе с дукой, было очень много благородных архонтов. Орхан выпросил у одного монаха его одежды и, одев их, подал монаху свои. И чрез большую бойницу выбросился Орхан на землю вне города. А турецкие моряки, взяв его и связав, бросили внутрь корабля вместе с другими пленными. Сдавшие башню были отведены внутрь того же корабля. Тогда один из пленных ромеев, хлопоча о своем освобождении, сказал капитану корабля: «Если ты освободишь меня сегодня, я могу выдать тебе Орхана и великого дуку». Тогда, услышав это, капитан корабля поклялся освободить его. И тогда тот показал на одетого в черную монашескую одежду Орхана: и, удостоверившись, что это действительно он, капитан корабля отрубил ему голову. Великого дуку он отвел живым к вождю в Космидий, взяв и голову Орхана. А вождь, облагодетельствовав капитана корабля и весьма многое ему пожаловав, отпустил. Великому дуке он приказал сесть и, ободлив его, повелел, чтобы в лагерях и на кораблях были разысканы дети и жена его: и тотчас были они приведены. Тогда вождь, дав по тысяче аспр за каждую голову, отпустил всех домой, вместе и с самим великим дукой, ободлив его и в высшей степени успокоив. Он сказал: «Этот город я намереваюсь вернуть тебе,

чтобы ты имел всяческую о нем заботу, и слава твоя будет больше, чем та, какую имел ты во времена царя. Поэтому не печалься». Поблагодарив и облобызав руку тирана, ушел великий дука в дом свой. Узнав же от него имена благородных и выдающихся во дворце должностных лиц, Магомет записал их. Собрав всех с кораблей и палаток, он выкупил их, дав туркам по тысяче аспр за каждого. Когда же наступило утро после того первого и мрачного дня, в который соделалась совершенная гибель рода нашего, тиран, войдя в город, пришел к домам великого дуки. Тот вышел ему навстречу и приветствовал его, а тиран вошел внутрь. Жена великого дуки была больна и лежала в постели. Тогда этот волк во образе овцы, приблизившись к постели, сказал, обратившись к ней: «Радуйся, о мать! Не скорби по поводу случившегося. Да будет воля господя! Я дам тебе еще больше, чем ты потеряла. Только выздоравливай!». Дети же великого дуки, подойдя, приветствовали его и благодарили. И он вышел и объехал город. Ибо все было пустыней: ни человека, ни скота, ни птицы, каркающей или щебечущей внутри города. Многие из турок были убиты друг другом: один тянул от другого награбленное; и сильный отнимал, а тот кто не мог противостоять, получая смертельный удар, падал. Во второй день, 30 мая, вошла она снова в город и стали собирать остатки добычи. Тогда тиран, проехав большую часть города и устроив в соседнем дворце пирушку, развеселился. И, уже залившийся вином и пьяный, приказал явиться начальнику своих евнухов и, дав ему полномочия, сказал: «Сходи в дом великого дуки и скажи ему: „Вождь повелевает, чтобы ты прислал на пир своего младшего сына!“ Ибо мальчик, которому шел четырнадцатый год, был красив. Услышав этот приказ, отец сделался почти бездыханным, лицо его изменилось, — и говорит он начальнику евнухов: «Не в нашем обычае собственными руками отдавать своего дитяту, чтобы он был осквернен им. Лучше было бы прислать для меня палача и снять с меня голову». Начальник же евнухов советовал ему отдать мальчика, чтобы не воспламенить гнев тирана. Он же, не подчинившись, сказал: «Если хочешь взять его и уйти, возьми и уйди; но никогда не будет того, чтобы я отдал его по своей воле». Тогда начальник евнухов, возвратившись, рассказал вождю все, что он слышал от великого дуки и как тот не пожелал отдать мальчика. Тогда тиран разгневался и сказал начальнику евнухов: «Возьми с собой палача и, возвратившись, приведи мне мальчика. Палач же пусть приведет дуку и сыновей его». Тогда пришли они, и, услышав эту весть, дука обнял детей своих и жену и отправился с палачом вместе с сыном своим и зятем своим Кантакузином. Мальчика же взял с собой начальник евнухов. Итак, придя, он представил мальчика вождю; остальным же, стоявшим в воротах дворца, вождь приказал отсечь мечом головы. Тогда, отведя их в сторону от дворца, палач объявил им решение. Сын дуки, услышав о казни, стал плакать, но его отец мужественно и твердо укреплял молодых людей, ободряя их и говоря: «Детки! вы видели вчера все наши потери, которые совершились в один роковой день. Богатство наше неисчерпаемое, слава дивная, которую мы имели в великом этом городе, а чрез него и во всех странах, населенных христианами; все погибло. Ныне, в час этот, не осталось для нас ничего иного, кроме жизни. Но и она не будет бесконечна, ибо по прошествии некоторого времени, когда-либо мы умрем. И как? Уничтожаемые, мы лишились имущества, славы, чести, политической самостоятельности; все нас будут поносить, презирать и терзать до тех пор, пока не придет к нам смерть, взяв нас презренных из здешнего мира. Где наш император? Не убит ли он был вчера? Где мой сват, а твой отец, великий domestik? Где протостратор Палеолог, с двумя своими сыновьями?

Не убиты ли они были вчера в сражении? О, если бы и мы умерли с ними! Однако и этого часа достаточно, чтобы мы не грешили больше. Ибо кто знает оружие дьявола: мы, медля умереть, поражены бы были его источающими яд стрелами? Ныне готово поприще, чтобы во имя распятого за нас, и умершего, и воскресшего умерли и мы, дабы насладиться с ним его благами». Сказал он это и ободрил юношей, и сделались они готовыми к смерти. И говорит он палачу: «Сделай то, что приказано тебе, казни прежде юношей!» И, послушавшись, отсек палач головы юношам; а великий дука стоит и говорит: «Благодарю тебя, господи!» и еще: «Праведен ты, господи!» Тогда сказал он палачу: «Брат, дай мне небольшую задержку: войти и помолиться!» Ибо был в том месте небольшой храм. Тот отпустил, и этот, войдя, помолился. Тогда вышел он из ворот храма: а тела детей его еще трепетали там. И, когда он опять воздал славословие богу, была отсечена голова его. Взяв головы, палач пришел на пиршество, представив их кровожадному зверю; тела же оставил там обнаженными и непогребенными. Подобным же образом послав палача, тиран умертвил и всех тех благородных и придворных сановников, кого он выкупил. Из жен же и детей их выбрал он для себя красивых девушек и прекрасных мальчиков и передал их начальнику евнухов, чтобы оберегал их. Остальных же пленных передал другим, чтобы заботились о них, пока не будут приведены в его Вавилон — Андрианополь. И виден был весь город в лагерных палатках, город пустынный, мертвый, бездеятельный, опустевший, беззвучный, не имеющий прежнего вида.

Глава 42. Итак, спустя три дня после взятия города разрешил он, чтобы каждый корабль отправился в свою область и город, — неся такой груз, что глубоко погружались в воду. Что же это за груз? Многоценная одежда; сосуды — серебряные, золотые, медные, оловянные; книги свыше числа; пленные: и священники, и миряне, и отшельники, и монахи. Все были полны груза. Палатки же лагеря полны были пленных и всего выше перечисленного. И можно было видеть среди варваров: одного — одетого в первосвященнический саккос; другого — опоясывающегося золотой эпитрахилью, тянущего на ней связанных друг с другом собак; иных — одетых вместо толстых плащей в златотканые плащаницы с шитым изображением агнцев. Другие сидели на пирушках и ели из стоявших пред ними дисков с различными плодами, и пили несмешанное вино из священных потиров. Все же книги, превосходящие всякое число, погрузив на повозки, рассеяли всюду на Восток и на Запад. За одну номисму десять книг продавалось: Аристотеля, Платона, богословских и всякого иного вида книг. Евангелия с бесчисленными украшениями, сдирая золото и серебро, одни продали, другие бросили. Все иконы предали огню: поджаривая на этом пламени мясо, ел его.

Тогда в пятый день вошел он в Галату и, приказав сделать перепись всех обитающих в ней, много жилищ нашел запертыми, ибо латиняне бежали на корабли. Повелел он открыть дома их и сделать опись всего имущества каждого из бежавших, говоря: «Если до прошествия трех месяцев они вернуться, пусть они получат имеющееся у них; если же не вернуться, будет это принадлежать вождю». Затем приказал он, чтобы все войско и окрестные кварталы разрушили и бросили на землю стены Галаты и очистили те места, — что и было сделано. Итак, сокрушив сухопутные стены, оставили в целости лежащие у моря. Каменщикам же повелел он иметь в течение всего августа месяца наготове известь, чтобы перестроить обрушившиеся стены города. Сам же составил списки на пять тысяч семей из областей Востока и Запада и повелел им под угрозой смерти до сентября месяца со всем домом быть в городе, поставив над ними начальником

раба своего именем Солимана. И сделав великий храм святилищем бога своего и престолом Магомета, остальные оставил пустынными; победителем отправился он в Адрианополь, имея с собой свыше меры пленников и добычу без числа. Вышел он из города 18 июня, всех благородных женщин и дочерей их везя на повозках и на верховых конях. Жена же великого дуки в дороге скончалась, вблизи селения, именуемого Месиной, — и похоронили ее там; это была женщина благоразумная и воздержанная во всяческих душевных страстях, повсюду пользовавшаяся славой вследствие благодеяний ее и жалости к бедным,

В Адрианополь вошел он с выдающимся в высшей степени триумфом. Можно было видеть стекающиеся к нему все страны и всех начальников, и вождей христиан, — близких и дальних, — приветствующих его так: «Радуйся! Как сердце твое, как голова, как губы, как рот?» Но неохотно и без желания творили они ему с дарами поклонение, боясь, как бы и сами не пострадали подобным же образом. Тиран же сидел гордо и надменно, хвастаясь взятием города. Вожди же христиан стояли в трепете, ожидая, что же он будет говорить им относительно будущего. И вот отвечивал он прежде всего послу Сербии, повелев, чтобы ежегодно она давала державе турецкой двенадцать тысяч номисм; далее, чтобы деспоты Пелопоннеса давали десять тысяч и ежегодно с дарами приходили на поклон к нему: чтобы Хиос ежегодно вносил шесть тысяч номисм, а Митилена — три тысячи; Трапезунту и всем живущим по Потийскому морю приказано было, чтобы ежегодно, приходя, творили ему поклонение с принесением даров и платили дань. Итак, в первом после взятия Константинополя году, в августе месяце, послы деспота Сербии, придя и передав должные дани, совершили и великую милостыню в Адрианополе, ибо, по повелению их деспота, Георгия, они выкупили монахинь; молодых и старых освободил он до сотни. Также из знатных и из придворного чина все пленники, стекающиеся в Сербию, получали от него и от царицы средства на выкуп милосердия ради. Когда началась глубокая осень и шел год уже 6962-й, то, проведя зиму дома, весной пожелал тиран напасть на деспота и всю Сербию присоединить к своей державе. Что касается деспота, то он после взятия города каждый день ожидал горького этого известия и несправедливости хищника. Ибо был это старец опытный, и много пострадал деспот от несправедливостей тирана. А каков был повод к несправедливости, тиран объявил ему, говоря: «Место, которым ты владеешь, т. е. Сербия, не твое, не отца твоего; оно принадлежало Стефану, сыну Лазаря: следовательно, теперь оно мое. Поэтому уйди скорее из пределов ее. Я же намерен подарить тебе часть земли отца твоего Вулка и город Софию. Если же нет, иду на тебя». Объявив это через одного из вернейших рабов своих, приказал он рабу в течение двадцати пяти дней предстать пред лицо его, чтобы сообщить ответ; если же он не сделает этого, то ему отсекут голову, а тело бросят на съедение зверям. Посол тирана, прибыв в Сербию и узнав, что деспот проводит время по ту сторону Истра, не знал, что делать: архонты Сербии задерживали его, говоря, что сегодня деспот приедет, что завтра он вернется. При этом они заботились об укреплениях и на случай нужды запасали все на складах. Итак, видя, что он обманут, посол стал бояться и наказания за просрочку, ибо он провел там свыше тридцати дней. Итак, тиран, охваченный яростью, вышел со всем войском из Адрианополя и достиг Филиппополя. Раб же его, вернувшись и известив о бегстве деспота в Венгрию, поведал и об архонтах его: как задержали его и не отпускали. Тиран был намерен умертвить его и сделал бы так, если бы раб не рассказал вождю о причинах задержки, объясняя и свое замедление, и приготовления сербов, и бегство деспота. Венгры же.

перейдя где-то реку и опустошив окрестности Тырнова, встретились с турецким войском и, одержав победу, с многочисленной добычей переправились опять через Истр. Тиран же, выступив из Филиппополя, отправился в Софию, и, оставив там войско, везирей своих и все собрание старейшин, сам с пехотой до 20 тыс. вторгся в Сербию. Однако он не нашел там никого, кто противостоял бы ему, ибо деспот задолго до того переправился в Венгрию со всем своим семейством, а вместе с ним сановники его со всем домом. Укрепив крепости и повелев всему народу расположиться внутри их, приказал деспот людям не бояться и не сдаваться врагу, ибо надеялся он через некоторое время опять притти сюда с великой силой. И дошел тиран до Смедерова, ибо жаждал взять этот город, потому что стоял он на высоком берегу реки и давал проход тому, кто собирался проникнуть в Венгрию. Однако, не сумев ничего сделать, повернул он назад. Напал он на один из городков: крепость не сдавалась; люди же, расположившиеся вне городка, пришедшие из деревень и полевых селений, имели свой стан вне крепости, защищающий их. Ибо городок был укреплен; внешнее же укрепление не было таким: с клятвами клятвопреступник взял его. И, после того как взял, всех обратил в рабов и увел; крепость же не сдалась. Итак, повернув в Софию и выступив оттуда, пришел он в Адрианополь, ведя добычу, и там половину ее подарил старейшинам и потрудившимся с ним. Сам же, взяв свою половину пленных, послал их в деревни вокруг Константинополя, поселил их там; доставшаяся ему часть составляла 4 тыс. мужчин и женщин. Выступив из Адрианополя, прибыл он в Константинополь. Ибо, когда он проживал еще в Филиппах, он приказал отстроить расшатавшиеся стены города. Нашел он их теперь отстроенными и хорошо приспособленными, как было должно. Войдя в город и отмерив в середине его землю, заключающую в себе восемь стадий или даже более, он приказал обнести ее оградой и внутри ее построить дворцы. Когда были возведены стены, он покрыл их сверху свинцовой крышей, взяв ее с монастырей, ибо они оставались пустынными. Ведь в монастырь Пантократора пришли и поселились в нем валяльщики, а в середине храма работали сапожники; в монастыре Манганском поселились турецкие монахи [дервиши], во всех остальных турки с женами и детьми.

То, что я пишу о случившемся после взятия города, собственно говоря нельзя писать. Ибо неприлично было бы мне описывать победы и отважные деяния нечестивого тирана и непримиримого врага и губителя рода нашего. Но расскажу я о том, что побудило меня писать. Еще будучи юным, слышал я от неких старых почтенных мужей, что конец тирании Османов совпадает с концом империи Палеологов. Ибо в одно и то же время пришли к власти Осман в тирании и Михаил Палеолог в империи; Михаил немного раньше, а Осман немного спустя в дни сына его [Михаила] Андроника Палеолога. Не был и в дни Михаила тираном Осман, — разве только не разбойничал. Поэтому надлежало, чтобы и конец случился — сначала императоров и города, а затем Османов. Ибо как-то раз по полету и крику птиц Михаил гадал, унаследует ли сын его царство его. Ибо он мучился совестью, несправедливо захватив царство, ослепив наследника и приняв бесчестные проклятия на свою голову и на род свой. Оракул издал неопределенный звук: «Мамáими». Прорицатель же, истолковывая его, сказал: «Сколько букв в непонятном этом слове, столько из рода твоего будет царствовать императоров, и тогда отнимется от города и от рода твоего царство». И вот мы, преуспевшие в последнем течении времени и видевшие страшную, с несчастными предзнаменованиями грозу, случившуюся над родом нашим, в мечтах наших ожидаем исполнения. В силу этого страстного,

неудержимого желания мы, моля наказующего и опять врачующего бога и надеясь на осуществление предсказанного мудрыми мужами, описываем случившееся после грозы божией от тирана.

ИЗ «БОЛЬШОЙ ХРОНИКИ» ГЕОРГИЯ ФРАНДЗИ

Гл. 3 книга III. Итак, зная и слыша о победах и о преславных войнах своего отца и других своих треклятых предков, эмир Мехмед стал придумывать, что бы такое и ему совершить значительное. И вот, размышляя об этом, решил он осуществить против нас дурное намерение и поднять войну против города. Ибо говорил он: «Если я покорю этот город, я превзойду всех своих предков, потому что, часто пытаюсь овладеть этим городом, они ничего не достигли». Итак, вследствие этого тайного замысла показалось ему делом хорошим построить на проливе у Асомат, как говорилось выше, крепость, чтобы в том, что он замышлял сделать, иметь ее опорным пунктом, — чтобы, таким образом, ни одно судно, — большое или малое, — не могло пройти к городу из Черного моря и чтобы переправа из Азии в Европу была облегчена. Желая же и домогаясь, чтобы замышляемое им получило начало, вот 26 марта 6960 г., пришедши, бросился он к проливу, чтобы строить там крепость. Царь же, увидев его злодейство, хотел сначала сам открыть военные действия, чтобы помешать ему. Но некоторые из синклита [т. е. из царского совета], — духовные и светские, — восстали против такого мнения и решения царя, говоря: «Не следует твоему царскому величеству открывать военные действия, пока не увидим, что он хочет сделать. А если он построит крепость, легко будет взять ее, потому что к нам она ближе». Впоследствии, когда увидели ее законченной, они воистину поняли, что пустые надежды питают безумных. Я же настаивал на путешествии, которое было подготовлено. Но мне говорили: «Сегодня или завтра увидим». Убеждали меня также, что не следует отправляться сухопутьем, потому что опасное это дело: «Мы, мол, — говорили они, — найдем возможность отправить вас морским путем».

И вот в июне месяце того же года объявлена была война. И когда устремилось на нас неприятельское войско, оно захватило в плен всех, кто жил вне города. В это же время закончил эмир и крепость и построил в ней три сильных башни: две из них сухопутные, а одну, которая несколько больше была тех двух, он поставил у моря. Ширина их стен была 25 футов, а внутренняя ширина башен 32 фута. Затем, покрыв башни свинцом и хорошо укрепив весь замок, эмир поставил в нем и гарнизон. И вот 28 августа, выступив оттуда, эмир напал на валы города, а 1 сентября 6961 г. отправился в Адрианополь, осмотрев в эти два дня, как кажется, стены и рвы города, а, возможно, и нечто другое, что думал. И той же осенью, 1 октября, послал эмир Турахана и двух его сыновей — Ахумата и Амара, с весьма большим войском в Пелопоннес, чтобы, сражаясь с деспотами, царскими братьями, и связывая их войной, они задерживали их там, — чтобы, не будучи в состоянии оставить свои края, те не пришли царю на помощь. И так приказал эмир Турахану и его сыновьям, чтобы они связывали деспотов войной в течение всей зимы и чтобы те не находили, таким образом, благоприятного момента, чтобы притти городу и вместе с тем царю, брату их, на помощь. Итак, когда Турахан пришел и захватил опять стены Истма, с той и другой стороны, т. е. христиан и неверных, было убито весьма много, особенно из христиан, которые обратились в бегство. Турахан же, оставив Коринф и идя чрез середину полуострова, — одних, кого нашел, захватывая в плен, а других грабя и пора-

бошая, — дошел до области Аркадии и Мессинского залива и, направляясь по Ифóмской дороге, ограбил весь Мессинский залив до Мантиней. Увидев же теснины и непроходимость места, чрез которые войско не могло итти, он часть простого войска передал сыну своему Ахумату и приказал ему итти по дороге, ведущей на Леонтáри. Но тот пошел по другой дороге. Узнав об этом, деспоты-братья тайно послали туда с войском Матвея Асáни: и, придя на то место, где собирались проходить турки Ахумата, и внезапно напав на них, войны Асáни многих из турок перебили и взяли в плен; был среди пленных и сын Турахана, Ахумат, которого отослали в Спарту к деспоту кир Димитрию. А 17 января того же года родился и преемник рода и царства Палеологов, — наследник этой малой искры ромеев, господин Андрей Палеолог, сын деспота господина Фомы Багрянородного.

Так обстояли дела в Пелопоннесе. Когда же засияла весна, эмир привел в порядок весь приготовленный им флот, а также стенобитные, метательные и прочие орудия, какие заготовил. Затем послал он впереди Харатэг-пашу с войском, и тот обложил город. И пред тем, как притти эмиру, все башни, расположенные вне города в полях и деревнях, в которых были и некоторые люди, собравшиеся в этих башнях ввиду внезапного нашествия неприятельского войска, Харатэг-паша путем осады взял и разрушил. Часть этих людей он обратил в рабов, часть от эпидемии и других бедствий погибла, — многих же христиан он взял в плен. Всего необходимого и полезного для войны, а также орудий, было у них множество, ибо везли они и много осадных машин. Некоторые из них так были велики, что каждую из них могли тащить лишь сорок или даже пятьдесят пар волов и больше 2 тыс. людей. А 2 апреля прибыл и эмир с бесчисленным множеством конного и пешего войска. Прибыв на место, он поставил свою палатку с противоположной стороны ворот святого Романа, а войско, как песок морской, распространилось по 6-мильной линии от одного моря до другого. Анатолийское войско раскинуло свои шатры по правую сторону эмира и до морского берега Золотых ворот, а европейское по левую и до Ксилопорты, что на берегу залива Золотого Рога. Эмир же со всех сторон окружил себя рвом, валом и деревянными палисадами, а вне вала стояли кругом янычары с другими благородными из двора его. Паше же, родственник эмира, пришедший вместе с вверенным ему войском, раскинул свои шатры выше Галаты. А в тот же самый день прибыла и часть флота эмира и подошла к морским берегам города: трирем и быстроходных судов было примерно 30, а судов меньшего размера и монорем 130.

Итак, подошел эмир к городу, всеми способами и при помощи машин осаждая его и окружив с суши и моря все 18 миль города. Царь же приказал поднять в устье залива весьма тяжелую железную цепь, чтобы воспрепятствовать флоту неприятельских судов проникнуть в залив. А внутри, за цепью, поставил, какие случилось, корабли, чтобы они отражали натиск неприятельских судов и сражались с неприятелем. Корабли же были такие: из Лигурии три, из Иверии или Кастилии один, из галльского Прованса [...], из Крита 3, в том числе 1 из города, именуемого Хандаксом, а 2 из Кидонии, — все прекрасно приспособленные для военных надобностей. Случайно были здесь и 3 большие купеческие венецианские триремы, которые обычно итальянцы называют большими галерами или, лучше сказать, галеатзами, — и быстроходные другие триремы, предназначенные для охраны и торговой службы. И приказал царь, чтобы и они остались для помощи городу. Так обстояли дела в гавани.

С суши же поставили неприятели огромную бомбарду, в жерле имеющую ширину в 9 футов, — и множество других бомбард, достойных

внимания. И соорудив глубокий ров, а поверх его [т. е. по насыпи] окружив их палисадом, стали стрелять из них и в четырнадцать местах сильно повредили стены города. В результате действия метательных орудий много прекрасных домов и дворцов близ стен было приведено в негодность. А бомбардами турки привели город в смятение: с шумом и грохотом они били из них по стенам и башням. С обеих сторон люди гибли от больших и малых бомбард, баллист, больших луков и других машин. И не утихал бой ни днем, ни ночью: все время продолжались схватки, стычки и стрельба.

Надеясь легко взять город вследствие небольшой нашей численности и великого нашего утомления, эмир совершенно не давал нам возможности получить хоть какую-нибудь передышку.

Однако эта огромная и мощная бомбарда вследствие непрерывной стрельбы и вследствие того, что она была вылита из недостаточно чистого металла, — в тот момент, когда бомбардир закладывал в нее запал, разорвалась и распалась на множество кусков: и многие были убиты и ранены. Услышав об этом, эмир сильно опечалился и приказал, чтобы вместо той бомбарды сделали другую, более мощную: и до дня того турки не предпринимали против нас значительного дела. А 15 апреля из Черного моря, Никомидии и Азии прибыл и остальной его флот. Число кораблей достигало 320: из них трирем было 18, бирем 48, а остальные — до 320 — были длинные корабли и небольшие суда, экипаж которых состоял из весьма многочисленных воинов и стрелков. А было среди них и 25 быстроходных грузовых судов, нагруженных лесом, известью, камнем и другим материалом, необходимым для осады города. Однако по причине, о которой мы уже говорили, им нелегко было войти в гавань. Поэтому, пришедши с востока, они стали на якорь несколько ниже Диплокиония и почти до церкви святого Константина. Еще 10 апреля, сосчитав свой флот и сухопутное — конное и пешее — войско, эмир нашел, что трирем, бирем, монорем, быстроходных кораблей и небольших судов было у него до 420 вымпелов, а войска, которое сражалось на суше, — 258 тыс. человек. Для сопротивления им мужчин внутри города такой огромной величины было 4973, — кроме иностранцев, которых едва насчитывалось 2 тыс. А что это было так, узнал я следующим образом. Согласно приказу императора, каждый из димархов и стратигов [гражданские и военные начальники], составили по своему участку точный список всех лиц, как светских, так и монахов, способных к военной службе, указав также, какое каждый из них имел оружие для обороны. И вот каждый из димархов передал список своего участка царю. А царь приказал мне: «Дело это имеет к тебе отношение, ибо все эти сведения должны сохраняться в тайне. Итак, возьми все эти списки и сядь у себя в дом: сосчитай точно, сколько в них значится людей и какое у них оружие, а также щиты, луки и метательный инструмент». И вот, выполнив приказанное мне царем, я представил результат подсчета повелителю моему, царю, с грустью и великим унынием: и число это осталось тайным для всех, кроме меня и императора. Нашлись среди архонтов и в народе, — впрочем, таких оказалось очень немного, — и некоторые весьма негодные и трусливые люди, которые вследствие страха пред войной и другими бедствиями заблаговременно бежали из города вместе со своими семьями. Когда же обо всем этом дошло до ушей императора, он смог только застонать из глубины сердца своего.

Находился здесь [в Константинополе] и прибывший из Лигурии с двумя кораблями адмирал и господин, — человек весьма опытный, храбрый и полезный, по имени Иоанн Джустиниани, — по происхождению из благородных. Видя его опыт во всех делах, царь приказал ему быть ди-

мархом и начальником трехсот воинов, и, положившись на него, дал ему власть предусматривать и устранять и некоторые другие важные военные дела: в этой должности он совершил деяния, воистину достойные памяти.

Когда же в скором времени эмир заменил разорвавшуюся бомбарду опять целой и крепкой, турки день и ночь усиленно стали бить по стенам и причиняли нам всякого рода боевыми машинами, стрельбой, нападениями и жесточайшими схватками великое беспокойство и многообразные бедствия. Наши же, каждый день изучая военные машины и рассматривая неприятельские, — оставив всякий страх и боязливость, изобрели новые машины и боевые средства и немало вредили неприятелю. Но эти специальные боевые средства недолго были у нас в ходу, потому что мы вовсе не имели передышки и всего того, что было необходимо для войны и осады. Враги же, разрушив в некоторых местах стены при помощи метательных орудий и пушек и желая затем заполнить рвы, чтобы легче произвести штурм и ворваться в город через разрушения в стенах, — особенно упорно стреляли и схватывались с нами: в это время другие бросали во рвы землю и стволы деревьев и другой материал, а некоторые в ярости даже собственные палатки. И можно было видеть, что многие из них вследствие большого скопления людей и создавшейся тесноты падали, а идущие позади, безжалостно бросали на них сучья и землю, засыпали их всем этим и живыми отправляли в ад. Иные же, и особенно — более сильные и крепкие, — под напором задних в спешке, вместо сучьев и земли, с жестокостью сталкивали в ров более слабых. Однако и делающие это не могли убежать невредимыми от наших метательных орудий и лучников: пораженные со стен тяжелыми камнями неприятели с позором падали и получали многочисленные раны, — хотя и из наших кое-кто не мог избежать ран. Все же турки таскали свои осадные орудия до насыпи на рве, и сражение, бой и схватка были ужасные. Во всех этих делах и наши люди не остались бесславными: было удивительно, что, не имея военного опыта, они одерживали победы, ибо, встречаясь с неприятелем, они мужественно и благородно делали то, что было свыше сил человеческих. В течение всего дня засыпали турки рвы; мы же в течение всей ночи вытаскивали из них землю и бревна: и глубина рвов оставалась такой, какой была и раньше. Обрушенные же башни мы вновь укрепляли разными бревнами и землей, которую таскали корзинами и деревянными кадушками из-под вина. Эмир же, видя все это, был посрамлен, потому что намерение его оставалось безрезультатным. И вот, желая испробовать другую военную хитрость, приказал он, чтобы пришли к нему некие люди, могущие правильно рассчитывать и делать под землей тайные ходы, чтобы при помощи этих ходов войско легко вошло внутрь города. Согласно его приказу они принялись рыть. А некий германец Иоанн, весьма искусный в военных подкопах и в изготовлении пороха, — узнав об их подкопе, вырыл другой, встречный, подкоп и искусно наполнил его порохом: и когда турки с радостью продвигались вперед, он, воспламенив в выкопанном им встречном подкопе запал, многих из них сжег, а работы их обратил в ничто. Однако одного неприятельского подкопа благородный германец не заметил и не нашел. Турки же хотя и взрывали порох, который предварительно закладывали в своих подкопах, ничего этим не достигали: от порохового взрыва упала только небольшая часть одной древней башни которую мы тотчас же и восстановили. А были у нас и некоторые старцы, которые говорили, что неприятели делали это [подкопы под стенами] и во время других войн, но ничего этим не достигли, потому что большая часть города внизу, под стенами, камениста.

Эмир же, пораженный и обманувшийся в своих надеждах, стал употреблять для осады другие, новые выдумки и машины. Из толстых бревен соорудил он громадную осадную машину, имеющую многочисленные колеса, — весьма широкую и высокую. Изнутри и снаружи покрыл он ее тройными воловьими и коровьими шкурами. Сверху она имела башню и прикрытия, а также поднимаемые вверх и опускаемые вниз сходни, — чтобы тем, кто внутри ее, мы не могли причинить никакого вреда. Часть ее снаружи была открыта, чтобы желающие могли легко входить в нее и выходить. В части, через которую думали выходить из нее на ров, она имела три больших двери, покрытых, как мы говорили выше, крепким прикрытием. Внутри и вокруг этой осадной машины турки имели всевозможные инструменты, военные материалы и множество земли и бревен, чтобы в подходящий момент сбрасывать все это в ров и чтобы таким образом легко спуститься в него. Были в этой осадной машине и лестницы, имеющие канатные ступеньки на деревянных основах, опускаемые вниз и опять поднимаемые вверх. Придвинуты были к стенам и всякие другие машины, о которых не мог помыслить и ум человеческий и которых никогда не строили для взятия крепости, равно как никогда не ожидал увидеть их и император. И в других местах построили турки платформы с великим множеством колес, а поверх этих платформ подобие башен: и покрыты они были по способу, о котором мы говорили выше. И они имели весьма много пушек: их зарядили, чтобы они все вместе одновременно сделали выстрел по стенам. Сначала, впрочем, турки выстрелили из того страшного осадного орудия и снесли до основания башню, что близ ворот св. Романа: и тотчас же, подтащили эту осадную машину и поставили ее поверх рва. И был бой губительный и ужасный: начался он прежде, чем взошло солнце, и продолжался весь день. И одна часть турок яростно сражалась в этой схватке и свалке, а другая бросала в ров бревна, разные материалы и землю, что были внутри большой осадной машины, — а также камень от разрушенной башни: и навалив все это, турки проложили себе широкую дорогу через ров к стене. Однако наши мужественно преграждали им путь, часто сбрасывали турок с лестниц, а некоторые деревянные лестницы изрубили: и благодаря своему мужеству мы неоднократно отгоняли неприятелей в тот день, до первого часа ночи.

Итак, нечестивцы, вследствие большой усталости и наносимых им ударов, были в досаде, и схватка и бой прекратились. Турки надеялись, что рано утром они без большого труда легко войдут в город, но обманулись в своих надеждах, потому что Иоанн Джустиниани, как некая сталь, в течение всей ночи ободрял и поощрял подчиненных ему воинов, равно как и император, который присутствовал здесь со многими другими, пришедшими на помощь. И вот на протяжении ночи, совершив великий труд, рвы очистили, упавшую башню с невероятными усилиями восстановили, а неприятельскую осадную машину, которая стояла внизу покрытая шкурами, сожгли. Когда же около третьего пения петуха появились с радостью неприятели, надеясь, как мы говорили выше, легко войти в город, и когда они увидели, что их надежды тщетны, они были поражены. Дивился искусству наших и эмир, весьма опечаленный и посрамленный, и, дивясь, говорил: «Если бы и 37 тысяч пророков сказали мне, что эти нечестивцы, — т. е. мы, — в одну ночь могут сделать, что они сделали, — я бы не поверил». Затем, видя, что мы не испытываем ни страха, ни боязни пред стрельбой и нападениями, которые они целый день производили, пред бесчисленными пушечными снарядами, стрелами и камнями, которые сыпались на нас сверху, как дождь с неба, и что наши каждую опасность

обращают в ничто, эмир и весь совет его впали в великое смущение и смятение духа. А дело было так.

В то время как осада города протекала таким образом, 3 лигурийских корабля, взяв с Хиоса груз и дождавшись попутного ветра, держали к нам курс. Когда они шли, по дороге встретился им еще 1 корабль: царский, идущий с хлебом из Сицилии. И вот в одну из ночей они оказались близ города. А рано утром увидели их дневные дозорные триремы эмира. Значительная часть остального флота со всею радостью, при звуках бубнов и роговых труб, устремилась на эти четыре корабля, надеясь окружить и легко овладеть ими. Когда же турецкие суда приблизились к ним и начали бой и стрельбу, то прежде всего с поднятой бровью [т. е. с высокомерием] двинулись они на царский корабль: но этот корабль при первом же их натиске приветствовал их своими пушками, стрелами и камнями. А когда они своими носами подошли к борту царского корабля, его моряки при помощи горшков, искусно наполненных жидким огнем, а также при помощи камней, снова далеко отогнали турок, причинив им великие потери. Мы же, видя сверху со стен все это, молили бога помиловать их и нас. Равным образом и эмир, сидя верхом на коне, с морского берега смотрел на происходившее. И опять, в третий раз, издали стали стрелять турки, и опять полные высокомерия и с громкими победными криками пытаются напасть на них. Хозяева же этих кораблей, кормчие и капитаны, храбро и мужественно остановившись, уговаривали моряков предпочесть смерть плену, — и в особенности отличился капитан царского корабля, по имени Флантанел: проходя с кормы на нос и сражаясь как лев, он и голосом своим подкреплял других, так что не могу я и описать его криков и поднимавшихся до неба криков других капитанов. А сражение становилось все более горячим: и многие из турецких трирем погибли и затонули, а две их триремы были охвачены огнем; и при виде этого турки стали бояться кораблей. Эмир же, видя, что его столь многочисленный и прекрасный флот не совершает ничего славного, а скорее, наоборот, терпит поражение, — пришел в бешенство и был объят гневом; рыча и скрежеща зубами, он изливал ярость на своих подчиненных, обзывал их трусами, бабами и негодьями. Пришпорив лошадь, он направился в глубь моря (ибо турецкие триремы отстояли от берега примерно на бросок камня) и большая часть одежд его погрузилась в воды соленого моря. Войско же, стоявшее на берегу, видя, что он так делает, досадовало и в печали поносило моряков. А весьма много всадников, следуя за эмиром, тоже пошло ближе к кораблям. Матросы же турецкого флота, видевшие, как эмир поступает, были пристыжены его бранью и волей-неволей с великой яростью опять повернули носы своих судов против наших кораблей и стали сражаться. И что же сказать о результатах? Турки не только не причинили никакого вреда нашим кораблям, но столько убитых, столько раненых было у них, что их триремы не могли даже назад вернуться. Было убито в тот день, как я узнал от них, свыше двенадцати тысяч агарян: и это только на море.

Когда же пришла ночь, по необходимости турецкий флот немного отступил, и наши корабли, уловив благоприятный момент, вошли в гавань, не имея ни одного убитого, и только немногих — раненых. И спустя несколько дней двое или трое из этих раненых преставились ко господу. Эмир же был столь взбешен и столь разгневан на начальника флота, что хотел посадить его на кол, говоря, что вследствие его трусости и малодушия византийские корабли вырвались в ту ночь из окружения, что только вследствие своей невнимательности и непригодности к службе он [начальник флота] позволил им войти в гавань. Однако некоторые из архонтов

совета и двора упростили эмира не делать этого, так что в конце концов он даровал ему жизнь, — хотя, впрочем, лишил его звания и должности, а все имущество его отдал янычарам.

И опять был опозорен эмир: и, как пес, кусал он руки свои, а пятой топал о землю. В самом деле: дважды и трижды обрушивал он стены и засыпал рвы, но тотчас находил их опять восстановленными; а 150 его трирем, бирем и монорем не только не смогли взять в плен 4 корабля, но, наоборот, потерпели от них такое страшное поражение. Испускал стоны эмир из сердца своего, и дым ярости исходил из уст его. И размышлял он: что же такое нужно сделать, чтобы еще больше сдавить и стеснить город, чтобы осадить его с моря и с суши? И придумал он хитрость, чтобы часть своего флота ввести внутрь гавани. И мысль его тотчас стала делом. Позади Галаты через холм проложил он удобную дорогу, идущую до гавани; всю ту дорогу покрыл он бревнами и досками, а доски смазал бычачьим и бараньим салом. Построил он и другие многообразные приспособления и машины. И вот, легко втащив триремы и биремы вверх на холм и спустив их затем вниз, ввел он их внутрь в гавань. И было это делом удивительным, и отличнейшим стратегическим приемом. Думаю я, что в этом деле эмир копировал кесаря Августа, когда тот вел войну с Антонием и Клеопатрой: вследствие морского волнения и встречных ветров Август не мог пройти кругом Пелопоннеса и поэтому перетащил свои суда по суше чрез Истм в восточное Элладское море и быстро прошел в Азию; или также копировал он патрикия Никиту, когда он, перетащив чрез Истм свои триремы из Элладского моря в западное, у Мефоны и Пилоса обратил в бегство критян.

Итак, эмир перетащил свои триремы в течение одной ночи, — ранним утром они находились уже в гавани. Затем построил он также и мост: собрав некие баржи, большие кадушки и много деревянных бочек, он накрепко и прочно, чтобы соленые воды не могли разбросать это сооружение, скрепил и связал их длинными деревьями или бревнами, железом и канатами; затем поверх барж, кадушек и бревен железными гвоздями или скобами крепко прибил он доски, — и мост получился прочный и, пожалуй, красивый: в ширину он имел 50 футов, а в длину 100, так что, казалось, можно было гулять по самой середине залива, как по суше. Затем поставил он на мосту и пушку, — и тогда турецкие триремы все вместе стали бить в стены города с этой стороны. Царь же и весь город, увидев это, впали в великое смятение духа, ибо опасался царь нашей малочисленности. И когда состоялся совет, было решено, чтобы военачальники, димархи и другие отважные люди, — будь то итальянцы или ромей, а нашлось их немного, — чтобы каждый из них отправлялся в те места, куда вновь будет приказано, защищать стены и сражаться с неприятелем. И, прежде всего, венецианскому байлу Иерониму Миноту доверено было защищать и охранять дворцы и все тамошнее. Каталонскому консулу Петру Гулиану было поручено сторожить на участках Буколёона и почти до Контоскалия, а Иакову Контарину охранять участки стен внешней гавани и почти до Ипсоматий [и он не переставал делать все, что было возможно войнам, а в особенности благородным]. Лигурийцу Мануилу с 200 стрелков и пращников было поручено охранять участки так называемых Золотых ворот, ибо они имели на этом участке покрытую бычачьими и коровьими шкурами вражескую осадную машину, из пушек которой турки били по стенам. Родным братьям — Павлу, Антонию и Троилу было доверено охранять Мириандр, ибо и на этих участках город был в опасности: днем и ночью пешие и конные толпы турок бились здесь отважно и мужественно; часто они и стены обрушивали, пытались проникнуть в город, хотя

каждый раз отступали с уроном; кровопролитие им наши учиняли здесь не малое; часть их лестниц перетащили к себе, а часть разрушили; деяния же и подвиги мужей [Павла, Антония и Троила] были достойны вечной памяти. **Феофилу Палеологу**, — человеку, опытному во всяком научном деле, а эллинской образованности и математики до вершин отведавшему, было доверено сторожить на участках так называемых Силиврийских ворот. **Иоанну Джустиниани**, верховному главнокомандующему — человеку, на всякое дело годному и полезному, на которого и сам император весьма полагался вследствие его благородства, мужества и отваги, с 400 итальянских и ромейских воинов было поручено сторожить на участках ворот св. Романа, где турки вели бои больше, чем на других участках: и огромную осадную машину с бомбардой они поставили на этих участках, потому что место было здесь удобное для осады стен и города и потому что и сам эмир находился здесь в шатре. **Феодору**, из Кариста — человеку воинственному и предприимчивому, стрелку, более искусному, чем всякий другой, и германцу **Иоанну**, мужу, прекрасно знающему военные машины, было поручено сторожить на участках Калигарийских. **Лигурийцам Иерониму и Леонарду** было указано сторожить на участках так называемых Деревянных ворот. **Русскому кардиналу** было поручено сторожить на участках Кинегга и до св. Димитрия, а великому дуку **Луке Нотара** — на участках Петрия и до ворот св. Феодосии. На участках же так называемых Красивых ворот назначены были сторожить моряки, капитаны и кормчие, которых имел корабль, прибывший с Крита.

Гл. 4. Капитану венецианских трирем **Гавриилу Тривизану** с 50 другими воинами поручено было защищать башню у пролива, охраняющую вход в гавань и находившуюся насупротив Царских ворот: и вверенный ему участок, он, как пастырь, а не наемник, защищал прекрасно. Капитану купеческих трирем **Антонию** было поручено защищать свои триремы и корабли, стоявшие, как уже было сказано, внутри залива, за цепью; так как эти корабли хорошо были приспособлены для военного дела, то находящиеся на них моряки трубами, барабанами и бесчисленными криками часто вызывали турецкие триремы и корабли на бой; перестрелка между ними не прекращалась ни на один день, хотя решительного боя они и не принимали. Другие благородные и отважные мужи города были распределены для охраны в необходимых местах и не переставали делать все возможное. Было также повелено, чтобы монахи, священники, клирики и остальные лица из духовенства были распределены в разных местах по всей округности города, — чтобы и они, молясь богу, день и ночь несли дозорную службу и молитвами своими умоляли божество о спасении города. **Димитрию Кантакузину**, его свату **Никифору Палеологу** и некоторым другим приказано было с 700 воинов находиться в почитаемом храме св. апостолов и в других местах, чтобы они пришли на помощь туда, где в этом возникнет необходимость. Император же вместе с нами и родственником своим **Франциском Толедским**, который, говорят, вел свой род от кровей преславного императора **Алексея Комнина**, верхом на лошади весь день и ночь объезжал укрепления с внутренней стороны: и все необходимое для боя мы заготовляли.

Когда же государственная власть стала нуждаться в деньгах для выплаты жалованья воинам, император приказал взять из церквей святые и посвященные богу сосуды: и стали чеканить из них деньги. И пусть никто не обвиняет нас в святотатстве: по нужде времени это делалось, подобно тому как **Давид**, взалкав, по необходимости съел хлебы предложения, которых никому нельзя было есть, кроме священников. Ибо говорил

блаженной памяти император: «Если освободит Бог город, вчетверо возвращу господу моему».

Состоялось и второе у нас совещание, и было решено введенные в гавань триремы и построенный турками мост при помощи какого-либо приспособления сжечь, потому что эти корабли причиняли городу большую тревогу и угрожали опасностью. Придумали и средство для осуществления этого, а план сообщили императору. И вот венецианец Иаков Кок — человек более способный к действиям, чем к болтовне, весьма искусно и хорошо начал это дело, когда ему было доверено осуществление плана. Приготовил он три весьма быстроходные и легкие ладьи, посадил в них из греков и итальянцев 40 смелых, отважных и мужественных молодых людей, тщательно объяснил им все и дал им снаряженные греческим огнем приспособления: ночью они должны были выйти, переправиться к Галате, итти близ побережья до турецких трирем и выполнить приказанное. Так бы, конечно, и было, если бы злая наша судьба не помешала и этому. Вышли они весьма искусно: обошли мост и переправились к галатскому побережью, а на мосту оставили приспособление для метания греческого огня и двух молодых людей, чтобы, когда другие подойдут к турецким триремам и дадут сигнал, те моментально воспламенили серой греческий огонь. И вот они уже почти подошли к триремам, когда или бог, вследствие прегрешений наших, помешал этому делу, или вследствие неосторожности одного из тех молодых людей, кто-то из их домашних выдал тайну неприятелям. И турки, имевшие бдительную стражу и ночных дозорных, увидели их и пушками, камнями и при помощи других своих судов одну нашу ладью пустили ко дну, а людей наших поодиночке переловили. Таким образом, наши ничего не сделали, кроме разве того, что одну из турецких трирем сожгли. А начавшийся на мосту пожар сбежавшиеся во множестве турки затушили. Юношей же тех, дивных и прекрасных, всех на наших глазах рано утром по приказу безбожного эмира безжалостно перебили: и плач безмерный был по ним в городе. Царь же, опечаленный, тоже приказал, чтобы кругом на башнях перебили пленных турок: и было перебитых 260 человек. А благодаря всему этому и беспорядки произошли: и начался великий раздор между венецианцами и лигурийцами. Ибо говорили и утверждали лигурийцы, что они, а не венецианцы, самые опытные во всяком деле люди и что, по своей неопытности, Иаков Кок не знал, что делал, — что, мол, ни он, ни остальные венецианцы не видели, что предпринимали, вследствие чего и сорок тех юношей, о которых столь великая скорбь была в городе, погубили да и турецкие триремы и мост, возведенный в гавани, не сожгли. И вот, когда услышал об этой расправе император, то пришел и стал беседовать с венецианцами и лигурийцами и со скорбью сказал: «Прошу вас, братья, живите в мире! Довольно с вас и внешней войны. И ради милосердия божия не затевайте войны между собой!». Сказав еще другое многое, император примирил их.

Эмир же, увидев, что наше предприятие относительно трирем никакой нам пользы не принесло, а скорее, наоборот, причинило вред, весьма обрадовался, сказав с надменностью и самомнением: «То, чего не смогли нам сделать они, взамен сделаю им я». И вот на холме св. Феодора, по ту сторону залива, в Галате, поставил он большие пушки и каменетные машины, чтобы пустить ко дну наши корабли, чтобы стояли при входе в залив, либо заставить их уйти оттуда, где они стояли. И это он сделал не только для того, чтобы очистить вход в гавань, но и для того также, чтобы отомстить лигурийским кораблям, — чтобы показать им, что он — человек сметливый и изворотливый — все может. Жители же Галаты, увидев, что он хотел причинить вред их кораблям, собравшись, сказали ему:

«Несправедливо причинять вред купеческим лигурийским и нашим кораблям, потому что мы и они друзья твои». Он же сказал им в ответ: «Не купеческие это корабли, а пиратские, и не для торговли пришли они сюда, а чтобы помогать царю, врагу нашему. Я же как явных врагов хочу, если это возможно, проучить их. А вы, как друзья мои, отойдите от них». Итак, начал он бой: и можно было видеть, что первым же выстрелом, который сделал из пушки бомбардир, головной корабль был потоплен. Остальные же корабли, увидев опасность и желая избежать ее, — несколько продвинувшись, остановились на участке ближе к Галате, чтобы укрыться за самыми высокими зданиями. Эмир же, не щадя домов, многие из них разрушил, чтобы беспрепятственно бить по кораблям. И можно было удивляться, что, бросив на это дело более 130 пушек и камнеметных машин, он и вреда больше никакого не причинил кораблям и человека не убил не единого, за исключением разве того, что упавший со стены камень убил некую женщину.

Несколько дней, как было у него в обычае, эмир, как и раньше, не давал нам решительного боя, а только стрелял издали: день и ночь не переставал он с силой бить по стенам из пушек и камнеметных машин. И вот некоторые, не столь опытные в военном деле, когда увидели, что сражения нет, оставив порученные им места, разошлись по своим домам. Турки же, используя удобный момент, в некоторых местах железными когтями или крючьями стащили вниз наполненные землей корзины оттуда, где они стояли для прикрытия людей во время сражения. Димархи же вместо этих корзин тотчас поставили другие. Услышав от военачальника о том, что, как мы сказали, произошло, царь сильно бранил таких людей. А те говорили в ответ, что сделали они это потому, что им, а также детям и женам их, нечего есть и пить. Услышав об этом, царь распорядился, чтобы те, кто, вследствие старости или другой какой-нибудь причины, не может сражаться, выделяли из своих запасов соразмерно с достатком каждого, хлеб и все съестное семьям сражающихся и воинам, охраняющим башни.

А война с каждым днем становилась все тяжелее, потому что каждый день к неприятелям не переставали подходить из Азии все новые войска, наши же вследствие ежедневных потерь, как луна на ущербе, все уменьшались и таяли. И вот некоторые из наших — люди непокорные и бесчеловечные, видя, что мы слабеем, и найдя, что момент благоприятствует для подлых стремлений, ежедневно стали устраивать мятежи и бунты и изливать из нечистой своей глотки на площадях и улицах города против несчастного императора и других архонтов оскорбления и ругательства, ни бога не боясь, ни царя и людей не стыдясь. Преблаженнейший же император подражал речению Давида, говорящему: «Аз же, яко глух, не слышах и, яко нем, не отверзай уст своих: и бых, яко человек не слышай и не имый во устех своих обличения. Врази же мои живут и укрепишася паче мене, и умножишася ненавидящии мя без правды». Когда же приходили к царю некоторые и говорили: «Такой-то и такой-то сказали о тебе следующие ужасные вещи», — он выслушивал их так же, как тех, кто проходит разговаривая мимо. И сбылась над нами пословица, говорящая: «Когда кто счастлив, все люди ему друзья; если же впадет в беду, то и сам родитель не будет ему другом».

24 мая пошел шопот, что 29-го того же месяца эмир хочет напасть на нас с суши и с моря и дать решительный бой и сражение. И вот все военачальники и димархи, а в особенности Иоанн Джустиниани, не переставали употреблять все усилия для отражения неприятеля: тысячами способов всю ночь восстанавливали они рухнувшие от пушечных выстрелов и от стенобитных машин стены. Затем Джустиниани, послав к великому дуке

Луке Нотарá, просил его выслать ему несколько боевых машин, которые находились на участках, где нес охрану Нотарá. Господин же Лука Нотарá не пожелал выдать их, говоря, что и на его участках была в них надобность. А Джустиниани возразил, говоря, что на тех участках, поскольку они расположены на берегу, нет никакой надобности в таком количестве боевых машин. И вот по этой причине перешли они к словам, которые более свойственны людям молодым, и с обеих сторон один на другого стали изливать из уст оскорбления: Джустиниани обозвал Луку Нотарá негодяем, злодеем и врагом отечества, а тот опять со своей стороны выбрал Джустиниани разными оскорбительными ругательствами. Царь же, услышав об этом, призвал их поодиночке к себе и говорит: «Братья! Не время ссориться между собой — так говорить и спорить: простим ненавидящим нас и будем молить бога, чтобы освободил он нас из раскрытой пасти этого дракона, что у нас перед глазами». Сказав им и других немало слов, царь, наконец, примирил их: и возвратился каждый из них во вверенное ему место выполнять свою службу. Джустиниани же, и особенно в те дни, своим словом, советом и делом явил себя страшным для неприятеля: каждую ночь производил он стрельбу и делал вылазки против врагов и многих из них взял в плен живыми, а других прикончил мечом. Успехам и деяниям этого мужа все дивились и называли его освободителем и спасителем города. Однако не до конца он оставался таким: славу, которую он приобрел своим мужеством, сокрушила впоследствии его трусость.

И вот, когда мы были в таком положении, распространился среди неприятельских войск ложный слух, что из Италии на помощь городу идет будто бы флот и что в то же время идет будто бы с весьма многочисленным конным и пешим войском и Янк, правитель Венгрии. Когда услышали это сыны Агари, величайший страх напал на них и стали они проклинать эмира и шуметь, говоря, что он будет причиной гибели рода их, потому что они предпринимают невозможное. Равным образом и эмир, будучи полон размышлений, замешательства и страха, как и весь совет его, стал весьма печален: во-первых, потому, что распространился среди них слух о помощи; во-вторых, потому, что они видели, как столь страшное и столь бесчисленное войско в продолжение стольких дней ни с суши ни с моря не добилось никакого успеха; ведь когда они, при помощи столь многих машин, с таким трудом приставляли к стенам лестницы, то часто их отгоняли и оттесняли с уроном, и так много народу гибло у них, что на турок, которые оказывались уже на стенах, нападал ужас; в-третьих, потому, что видели знамение: свет молнии, исходящий с небес и в течение всей ночи стоящий над городом, как бы прикрывая его. И вот, когда увидели этот свет, то сначала говорили так: «Это бог разгневался на христиан и решил сжечь их и предать нам в рабство». А затем, когда турки увидели, что от стен и лестниц их все время с позором отгоняют и что они, приготовив столь многочисленные машины, нисколько не стали от этого сильнее, когда они услышали ложную молву об итальянском флоте и Янке, то об этом свете стали они говорить совсем по-другому, заявляя: «Это бог за христиан сражается, и прикрывает, и защищает их, вследствие чего без воли его мы ничего не можем и сделать». Вот почему эмир, как мы сказали, и все войско его были печальны и унылы: он даже решил на следующий день подняться и снять осаду. Но в тот же самый вечер, когда он принял решение уйти на следующий день, опять они видят сходящее с небес сияние. И оно на этот раз не было прямым, как обычно прежде, когда всю ночь стояло над городом, а только показалось издали и, тотчас рассеявшись, стало невидимым. И вот, когда увидели это эмир и все люди его, то,

исполнившись великой радости, стали говорить: «Бог теперь покинул их». Так же рассуждали мудрецы и ученые их мерзкой, нечестивой и обманной веры: сияние, мол, показало теперь, что турки завладеют городом. И так, у них появились теперь добрые надежды, которые они получили из-за грехов наших.

Али-паша, первый в совете эмира человек, больше всех пользующийся почетом и дельный, когда увидел, что эмир находится в таком раздумье, а другие все полны страха и ужаса, с виду и сам стал печален, внутренне же ликовал. А причиной этого было то, что на советах он всегда говорил эмиру, чтобы тот не затевал войны против города, — боялся он, чтобы западные владетели, услышав об этом и собравшись, не пришли к единомыслию и не изгнали турок из Европы. И теперь опять, показывая вид, что он был будто бы печален, он говорил эмиру: «Относительно этого я с самого начала предугадывал, как будет, и часто говорил тебе это, но ты не слушал меня. И теперь опять, если тебе это угодно, хорошо было бы уйти отсюда, чтобы не случилось с нами чего худшего». И вот эмир, слушая слова эти, от печали и раздумья стал полумертвым, ибо как ему можно было уйти отсюда с таким позором, подобно беглецу! А видя, что эмир находится в таком положении и колеблется, Заган-паша, второй его везирь, посоветовал эмиру продолжать против нас войну, — дело в том, что Заган-паша завидовал Али-паше, ибо они имели меж собой скрытую вражду. И так, ободрив эмира, говорит Заган-паша: «Почему ты так угрюм и печален, эмир, и что за страх напал на тебя, и какие сомнения возникают в сердце твоем? Бог с тобой! Не печалься! Разве ты не видишь из знамения света того, что бог отдаст этот город в руки твои? Разве не видишь величины столь бесчисленного войска, которое ты имеешь? Разве не хорошо ты подготовлен, и разве не многочисленное и прекрасное всевозможное снаряжение у тебя? Войско Александра Македонского никогда не было столь многочисленным, как твое, и он не имел такого снаряжения: и, однако, покорил весь мир. Я не верю и не надеюсь, что придет из Италии тамошний флот, как говорят некоторые и как сказал это брат мой, Али-паша, потому что хорошо вы знаете, что многовластие итальянских и других западных владетелей — причина того, что они не имеют единого начальника и среди них нет единомыслия. А если все-таки некоторые из них с трудом и многочисленными оговорками пришли бы к единомыслию, то в скором времени их союз потерял бы силу: ведь даже те из них, кто связан союзом, заняты тем, как бы похитить принадлежащее другому, — друг друга они подстерегают и остерегаются. Они много совещаются, рассуждают и говорят, но мало делают: и то, что вечером на совещании было принято, утром им уже не нравится. А если принятое постановление не отменено, то они медлят в его осуществлении: и это делают для того, чтобы найти удобный момент для своих намерений и стремлений. Если же приступают к какому делу и начинают его, то обычно вследствие своего раздора успеха не имеют. А теперь, как вы знаете, в особенности имеются новые разногласия среди некоторой их части. И снова я повторяю, что по причинам, о которых я говорил, невозможно прибытие сюда флота из Италии. Но пусть он даже и прибыл бы сюда, — какая нам от этого опасность: ведь никогда не придет с ним столько народу, чтобы по количеству это составляло половину нашего войска или хотя бы четверть. Поэтому ободрись, эмир, наш повелитель! Нет надобности, чтобы ты имел в настоящее время пред кем-либо страх, кроме как только пред богом. Будь же мужествен, радостен и силен и ни сегодня, ни завтра не прекращай обстрела города, чтобы при помощи пушек, насколько возможно, разрушить стены еще больше».

Такие речи и советы эмиру в высшей степени понравились, и он стал радостен и освободился от печали. И он приказал Загану: «Этой ночью осмотри внимательно лагерь и узнай настроение воинов». Тот же, выполнив приказание, пришел и говорит эмиру: «Видел я войско и разузнал. Дело обстоит так: сражайся с радостью, и победа наша». Эмир же сказал ему в ответ: «Итак, тебе хочется, Заган, чтобы и мы теперь испытали судьбу и увидели, угодно ли ей дело наше и поможет ли она нам, как помогает многим другим! Пошли же в Галату стражу, чтобы никто тайно не перешел оттуда и не оказал городу помощи».

Услышав это, Али-паша, пристыженный тем, что получили перевес речи Заган-паша, сильно опечалился и из зависти решил, если возможно, употребить хитрость, чтобы туркам ничего не удалось сделать против города. Обо всем случившемся он сообщил царю и убеждал его не бояться, потому что в войнах судьба часто неизвестна, вследствие чего советовал царю, чтобы стража неусыпно охраняла город. А было все это вечером 27 мая. И приказал эмир, чтобы всю ту ночь и следующий день турки жгли костры и факелы, чтобы весь день постились и семь раз совершили омовение и чтобы в посте и чистыми молили бога о победе над городом, — что и было исполнено. А в понедельник вечером 28 мая, при заходе солнца, после того как турки поели, эмир, поднявшись и обращаясь к народу, сказал следующее.

Глава 5. «Дети, в высшей степени возлюбленные богом и его пророком Мухаммедом и мною, рабом его! Молю и прошу вас, чтобы к утру вы сделали дело, достойное вечной памяти, как и предки ваши всюду донине, как известно, делали: чтобы с готовностью, храбростью и мужеством, при помощи лестниц, как птицы, поднялись вы на стены города и чтобы славу, которую, как мы сказали, приобрели предки наши и которую даровал нам бог, — да не будет, чтобы мы утратили ее; наоборот: теперь в особенности наступил такой момент, чтобы мы всячески ее умножили». Еще многое другое сказал он, побуждая их к мужеству, к тому, чтобы действовали храбро. Затем он говорит: «А если некоторые из нас будут убиты, как это обычно бывает на войне и как это написано на челе ее, то вы хорошо знаете, что говорит в нашем коране пророк: умерший в такой момент будет есть и пить в раю вместе с Мухаммедом; вместе с детьми и с красивыми женщинами и девушками он будет отдыхать в изобилующем зеленью и цветами месте и будет омываться в красивейших купальнях: и все это в месте том он будет иметь от бога. От меня же в свою очередь, если победим, всему моему войску и архонтам двора моего жалованье, которое я уплачиваю в соответствии с положением каждого, сравнительно с тем, что сейчас они имеют, будет увеличено вдвое, начиная с сегодняшнего дня до конца жизни их. И на три дня весь город будет вашим. И если кто вы наградите в нем и найдете золотую или серебряную утварь или одежду или пленных, — будут то мужчины или женщины, малые или старые, — никто чтоб не мог потребовать их от вас и ничем чтоб не беспокоили вас». Окончив говорить, поклялся он им соблюсти все, что обещал. Они же, выслушав все это, весьма обрадовались, и все в один голос на своем языке прокричали воинский клич: «Алла, алла, Мухаммед ресул, алла», т. е.: «Бог богов, и Мухаммед — пророк божий».

Мы же в городе, услышав такой крик, подобный великому шуму моря, размышляли, что же это значит. И спустя немного точно и согласно с истиной узнали, что это эмир подготовил на завтра городу с суши и моря, насколько ему было возможно, решительный штурм. И вот, видя такое множество нечестивых, — а я сказал бы, что, как мне кажется, на каждого

из нас их, действительно, приходилось 500 и больше, — все свои упования мы возложили на вышнее провидение. И приказал император, чтобы иереи, архиереи и монахи, женщины и дети со святыми и достоочтимыми иконами и священными изображениями обходили по стенам города, взывая со слезами: «Господи, помилуй!» и умоляли бога, чтобы не предал он нас вследствие грехов наших в руки врагов беззаконных, отступников и преступнейших из всех, живущих на земле, но чтоб было оказано нам богом, как наследию его, милосердие. И с плачем ободряли все друг друга, чтобы в час боя мужественно противостать неприятелю. Равным образом и император, собрав в тот горестный вечер понедельника всех без исключения архонтов и начальников — димархов и сотников и прочих по выбору воинов, сказал им следующее.

Глава 6. «Вы, благороднейшие архонты, и сиятельнейшие димархи и военачальники, и отважнейшие соратники мои, и весь верный и достоочтимый народ! Вы хорошо знаете, что пришел час, когда враг веры нашей хочет [и домогается] всем своим искусством и машинами сжать нас еще больше и всей своей силой с суши и моря при помощи великой схватки и боя дать нам решительное сражение, чтобы, если возможно, подобно змею излить в нас яд свой и подобно свирепому льву проглотить нас. Поэтому говорю и прошу вас, чтобы вы стояли против врагов веры нашей храбро и мужественно, как и всегда до сих пор делали. Вручаю вам этот блистательнейший и преславный город, царицу городов, и отечество наше. Хорошо вы знаете, братья, что в четырех случаях все мы сообща обязаны предпочесть смерть жизни: во-первых, ради веры нашей и благочестия, во-вторых, ради отечества, в-третьих, ради царя — помазанника господня, и, в-четвертых, ради близких и друзей наших. Итак, братья, если мы обязаны сражаться до смерти за одно из этих четырех, то гораздо больше, как вы ясно видите, за все четыре, ибо от всех их нам будет ущерб. Ведь если за прегрешения наши Бог предоставит победу нечестивым, мы подвергнемся опасности за святую веру нашу, которую Христос даровал нам собственной своею кровью. А ведь «если и мир весь кто приобретает, душу же свою осквернит, что пользы?» Во-вторых, мы лишимся в таком случае столь славного отечества и свободы нашей. В-третьих, мы потеряем государство наше, некогда столь славное, ныне же уничиженное, всеми порицаемое и презираемое, и начальствовать в нем будет тиран и нечестивец. В-четвертых, мы лишимся любезнейших детей наших, супруг и родичей. Сегодня уже пятьдесят семь дней с того времени, как этот безбожный эмир пришел и осадил нас и каждый день и ночь со всеми своими машинами и войском не перестает нападать на нас; и, однако, милостью всевидца Христа, господя нашего, он до сих пор с позором и уроном часто отступал от стен. И ныне опять, братья, не бойтесь, что стена от ударов и попаданий ядер из пушек и каменетных машин частично рухнула, потому что, как видите, насколько возможно, мы опять восстановили ее. Всю нашу надежду мы возложили на непобедимую славу Божию: они — на колесницы, на лошадей, на войско свое и на многочисленность, мы же — на имя господя бога и спасителя нашего уповаем и лишь во вторую очередь на руки наши и на мужество, которое даровала нам божественная сила. Знаю я, что это бесчисленное стадо нечестивых, как у них в обычае, пойдет на нас с презрительной надменностью, поднятой бровью, великой отвагой и силой, чтобы, вследствие нашей немногочисленности, задавить нас, а вследствие изнурения — оттеснить, — пойдет с великим криком и бесчисленными воплями, чтобы запугать нас. Эти их пустяки вы хорошо знаете, и не следует говорить о них. В час тот пусть все делают свое дело, ибо полетят в вас бесчисленные, как песок морской, камни, стрелы и дротики. Надеюсь

однако, что они не причинят вам ущерба, потому что вижу, весьма радуюсь и такими надеждами ум питаю, что, хотя нас и весьма немного, зато все вы искусны, ловки, храбры, сильны, мужественны и хорошо заранее подготовлены. В схватке и в бою хорошенько прикрывайте голову своими щитами. Десница ваша, держащая меч, всегда пусть будет протянута. Шлемы ваши, панцыри и железные латы вместе с остальным вооружением вполне достаточны для боя и во время схватки будут вам весьма полезны: враги наши не пользуются ими и не имеют их. Кроме того, вы будете прикрыты стенами: враги же наши, будучи открыты, с трудом будут продвигаться. Поэтому, товарищи, ради милосердия божия будьте готовы, крепки и мужественны. Вспомните, как некогда небольшое количество карфагенских слонов своим криком и видом обратило в бегство такое множество римских коней. Если же бессловесные животные обратили в бегство, то куда скорее можем сделать это мы, будучи господами животных бессловесных, — в особенности, когда те, кто идет против нас, чтобы начать бой с нами, подобны бессловесным животным и даже хуже? Пусть же будут направлены против них и щиты ваши, и мечи, и луки, и копья. Думайте так, что вы охотитесь на множество диких свиней, чтобы знали нечестивцы, что они имеют бой не с бессловесными животными, как они сами, а с господами и повелителями их и с потомками эллинов и римлян. Вы хорошо знаете, что нечестивый этот эмир, враг святой веры нашей, без какой-либо основательной причины расторг мирный договор, который мы имели с ним, — нарушил многочисленные свои клятвы, ставя их в ничто, и, внезапно появившись на проливе у Асомата, построил крепость, чтобы ежедневно вредить нам. Поля наши, сады, скотные дворы и жилища он уже опустошил огнем; братьев наших, христиан, каких нашел там, перебил или взял в плен, а дружбу с нами нарушил. Завел он дружбу с обитателями Галаты, и те радуются этому: не знают они, несчастные, басни о крестьянском мальчике, который варил улиток и сказал: «О, глупые животные! Съем вас по порядку». Итак, братья, пришел он и осадил нас и каждый день с тех пор широко разевает свою пасть, чтобы найти удобный момент проглотить и нас и город этот, который воздвиг преблагеннейший и великий император Константин, посвятив и подарив его пречистой и пренепорочной владычице нашей, богородице и приснодеве Марии, чтобы была она госпожой, помощью и покровом отечеству нашему, прибежищем христиан, надеждой и радостью всех эллинов, похвалой для всех сущих на Востоке. И этот нечестивейший хочет овладеть таким некогда славным и цветущим, как полевая роза, городом, который подчинил себе когда-то почти, могу сказать, всю подсолнечную и покорила под ноги свои Понт и Армению, Персию и Пафлагонию, амазонок и Каппадокию, Галатию и Мидию, колхов и иверов, боспорцев и албанцев, Сирию, Киликию и Месопотамию, Финикию и Палестину, Аравию и Иудею, бактрийцев и скифов, Македонию и Фессалию, Элладу и Беотию, локров и этолийцев, Акарнанию, Ахею и Пелопоннес, Эпир и Иллирик, лихнитов по Адриатике, Италию и тусков, кельтов и кельто-галлов, Испанию до Кадикса, Ливию, Мавританию и Маврузию, Эфиопию и веледов, Скуду и Нумидию, Африку и Египет. Теперь все это нечестивец хочет подчинить себе и на царицу городов наложить ярмо рабства, а святые церкви наши, где чествовалась святая троица и прославлялось всесвятое божество и где ангелы слушали, как воспевают бога и домостроительство воплощения бога слова, хочет сделать святилищем своего суесловия и болтовни своего лжепророка Мухаммеда и обиталищем глупцов и верблюдов. Итак, братья и товарищи, настройтесь по уму так, чтобы был вам навеки памятник, вечная память о вас и слава и навеки свобода».

А обратившись к стоящим на правой стороне венецианцам, император сказал: «Благородные венецианцы, братья возлюбленные во Христе боге, мужи храбрые и воины могучие, а в сраженьях опытнейшие, — вы, которые сверкающими мечами своими с помощью божией так часто избивали целые толпы агарян, причем кровь их рекой стекала с рук ваших! Прошу вас сегодня, чтобы от всей души и с полным рвением вы прикрыли своими щитами город этот, находящийся в таком военном бедствии. Ведь вы хорошо знаете, что вы всегда имели его вторым отечеством и матерью. Поэтому вторично опять говорю и прошу вас, чтобы вы поступили сегодня, как верные друзья, единоверцы и братья». Затем, обернувшись на левую сторону, говорит лигурийцам: «О лигурийцы, — досточтимейшие братья, мужи воинственные, отважные и знаменитые! Вы ведь хорошо знаете, что несчастный город этот всегда не только был моим, но и вашим по многим причинам. Вы часто со всей готовностью помогали ему и своей помощью освобождали его от агарян, врагов его. Теперь опять удобный для вас момент, чтобы своей помощью ему показать вашу любовь ко Христу, ваше мужество и благородство». Обращаясь ко всем вместе, император сказал: «Нет у меня времени сказать вам что-либо большее. Одно только скажу: умаленный в своем достоинстве и значении скипетр наш влагаю в руки ваши, чтобы вы с усердием защитили его. Прошу и умоляю любовь вашу и о том, чтобы вы оказывали приличествующую честь и повиновение военачальникам вашим, димархам и сотникам: каждый по чину своему, отряду, в состав которого входит, и по службе своей. Запомните это! И, если вы от всего сердца будете соблюдать, что я приказал вам, то надеюсь на бога, что мы освобождены будем от предстоящей праведной грозы его. А затем и венец вам алмазный приготовлен на небе, а на земле будет о вас память, — вечная и заслуженная». Сказав это и закончив речь, император со слезами и стенанием возблагодарил за все бога, а все воины как бы едиными устами отвечали со слезами, говоря: «Умрем за веру христову и отечество наше!» Император же, услышав это, весьма благодарил их и обещал им в случае победы весьма многочисленные дары. А затем говорит опять: «Итак, братья и товарищи, будьте готовы к утру. Силой и доблестью, дарованной вам от бога, при содействии святой троицы, на которую возлагаем все упование, сделаем так, чтобы враги наши ушли отсюда с позором и уроном!»

Глава 7. Выслушав все это, несчастные ромеи сделали в сердце своем, как львы, — и, простив все друг другу, просили один другого о примирении и со слезами обнимали друг друга, не помышляя о любезнейших детях своих и не заботясь о супругах или имуществе: помышляя только о смерти, чтобы защитить отечество. И каждый из них возвратился на указанное ему место, чтобы тщательно нести на стенах охрану. Император же, пришедши во всечестной храм Софии и со слезами помолившись, причастился. Это же и другие многие сделали в ту ночь. Затем, придя во дворец и немного помедлив там, он просил у всех прощения. Кто расскажет о всех воплях и плаче, бывших в ту минуту во дворце? Если бы человек был даже из дерева или из камня, не мог бы он не заплакать тогда.

И вот, сев на коней, выехали мы из дворца и стали объезжать стены, чтобы побудить стражу охранять их неусыпно. Все были на стенах и башнях в ту ночь, и все ворота были накрепко закрыты, так что никому через них нельзя было ни выйти, ни войти. Когда же в час первого пения петуха мы прибыли в Калигарию и, сойдя с коней, поднялись на башню, мы услышали снаружи непрерывный говор и весьма большой шум. Дозорные сказали нам, что это продолжается всю ночь. А это неприятель

подтаскивал приготовленные для приступа многочисленные машины, доставляя их ко рву. Тем временем приходит все в движение и на морских берегах: огромнейшие неприятельские баржи, триремы и плоты придвигаются в гавани, к стенам и побережью. При втором пении петуха без всякого сигнала, как это и в другие дни делалось раньше, неприятель с величайшим рвением и силой начал бой. А приказал эмир, чтобы все не столь опытные в военном деле, а также некоторые старики и молодежь, начинали бой и приступ первыми, чтобы несколько утомить нас, а затем чтобы с еще большей отвагой и натиском шли на нас более сильные, более мужественные и более опытные в войне. Так все это и было сделано, и бой запылал, как печь. Наши сопротивлялись мужественно, приняли врага с ожесточением и отогнали от стен, а некоторые из неприятельских боевых машин и пушек даже спустили в ров: с обеих сторон падали убитые, — и в особенности со стороны турок. Когда же начали тускнеть на небе звезды и забрезжил рассвет, — когда с востока стала показываться утренняя заря, вся масса неприятелей, как веревка некая, протянулась с одного конца города до другого. Заиграв на военных инструментах и рожках, ударив в барабаны и все прочее, с победным кличем турки выстрелили из всех пушек, — и все разом, в одно и то же время с суши и с моря начали приступ, сражение и битву. Некоторые их отважные воины уже поднимаются по бесчисленным лестницам на стены. В тех из наших, кто стоял на башнях, летит метательное оружие. Два часа продолжается эта плачевная и ужасная битва, — и перевес, повидимому был на стороне христиан. В самом деле: турецкие триремы с лестницами и перекидными мостками были отогнаны от морских стен ни с чем; великое множество агарянских воров было перебито камнеметными машинами из города; на сухопутном участке наши приняли врага так же и даже смелее. И можно было видеть странное зрелище: темное облако скрывало солнце и небо. Это наши сигналы неприятелей, бросая в них со стен греческий огонь. Вражеские лестницы и тому подобные сооружения наши воины рубили, а поднимающихся по ним турок поражали сверху тяжелыми камнями и отгоняли метательными копьями и стрелами. Туда, где видели толпу, наши стреляли из пушек, — и много турок ранили и убили. Вследствие усталости от боя и от сопротивления неприятель был так озадачен, что хотел уже повернуть назад, чтобы получить передышку. Но чауши и дворцовые равдухи [полицейские и судебные чины] стали бить их железными палками и плетью, чтобы те не показывали спин врагу. Кто опишет крики, вопли и отдельные горестные восклицания избитых? Их крики и вопли поднимались оттуда до неба. Некоторые из наших, видя, что они так страдают, судя по их великим крикам, сказали: «Если бы им делали это почаще, с трудом можно было бы отогнать их от стен». И вот, желая показать свое мужество, они, по принуждению, полезли опять по лестницам. А некоторые другие, более отважные, сильные и предприимчивые, стали взбираться на плечи один другому, а следующий лез опять на плечи дальнейшего, чтобы иметь, таким образом, возможность подняться вверх на стены. А пока все это насильно и по принуждению делалось, у входов разыгрывается страшная битва: завязалась рукопашная схватка и количество убитых с обеих сторон было велико. Когда наш боевой строй стал отступать, Феофил Палеолог и Димитрий Кантакузин, мужи в высшей степени отважные, выскочив вперед, побеждают агарян и обращают их в бегство, так что с уроном отогнали их от стен и лестниц и рассеяли. Тогда им на помощь пришли другие турки, там расставленные. Император же, верхом на коне там находившийся, — ободряя и побуждая воинов, чтобы они бились со всей готовностью, сказал: «Товарищи и братья!

Ради милосердия божия прошу вас: стойте мужественно, потому что вижу теперь, что толпа неприятелей начинает уже ослабевать и понемногу рассеивается: идут они уже беспорядочно и не по обычаю своему; надеюсь на бога, что победа будет наша. Итак, братья, радуйтесь, потому что вам будет венец многоценный: не только тленный и земной, но и небесный. Бог сражается за нас, и в страхе находится толпа нечестивых».

И вот, когда говорил это император, стрелой из лука был ранен в бедро правой ноги военачальник Иоанн Джустиниани. Этот столь опытный в военном деле человек, когда увидел, что из его тела течет кровь, весь переменялся: и если раньше проявлял мужество, то теперь от страха разинул рот и вообще после этого стал ни к чему не годен. Оттуда, где он находился, он ушел: в молчании отправился он искать врачей, не помня о храбрости и искусстве, которые первоначально обнаруживал. Тем, кто был с ним, он ничего не сказал и не оставил кого-либо другого вместо себя во избежание (как это и произошло) замешательства и гибели. Воины же, обернувшись назад и не видя военачальника, впали в смятение и великий страх, потому что сказал кто-то, что он бежал. И вот, когда опять случайно находившийся там император увидел, что воины пришли в замешательство и, как овцы преследуемые, полны страха, то, узнав причину этого и увидев своего военачальника Джустиниани бегущим, — приблизившись к нему, говорит: «Брат! Что это ты сделал? Вернись на отведенное тебе место! Рана эта незначительна. Вернись, потому что теперь в этом особенно большая нужда! Город висит на руках твоих и ждет, чтобы ты освободил его». Много говорил ему император, но Джустиниани ничего не ответил, а переправился в Галату и там от огорчения, окруженный презрением, с позором скончался. Турки же, видя столь великое замешательство наших, осмелели. Случившийся там Зоган-паша, побеседовав с янычарами и прочими, особенно поднял их настроение. И вот некий янычар, по имени Хасан (а происходил этот гигант из Лупадия), левой рукой держа над головой щит, а в правой зажав меч, полез на стену — туда, где видел смятение наших. За ним последовало примерно тридцать других, соревновавшихся с ним в мужестве. Наши же, что оставались на стене, поражали их копьями, били стрелами и скатывали на них огромные камни, так что восемнадцать из них было отогнано от стены. Но Хасан решил не останавливать натиск до тех пор, пока не взберется на стены и не обратит наших в бегство. И вот, когда он возобновил свою попытку и когда за ним последовало много других турок, все они оказались на стене. А наши вследствие своей малочисленности не смогли помешать им подниматься, ибо неприятелей было великое множество. И, вступив с поднявшимися на стены турками в рукопашную схватку, наши начали бой на стене: и было немало перебито турок. Упал со стены во время этой схватки и Хасан, сраженный каким-то камнем. Наши же, обернувшись к нему и увидев его лежащим, со всех сторон стали бросать в него камнями. Поднявшись на колени, он оборонялся, но от множества ран опустил правую руку и был засыпан стрелами. И много других было убито и ранено и унесено вследствие ран в лагерь. Затем вся эта столь многочисленная, поднимавшаяся на стену толпа неприятелей рассеяла наших и, покинув внешние стены, чрез ворота внутренней стены, растапывая друг друга, устремилась в город. Когда так обстояло дело, внутри и вне города и даже с участка гавани раздался какой-то крик: «Укрепление взято; сверху на башнях уже подняты неприятельские знаки и знамена!» Этот крик обратил наших в бегство, а неприятелям придал силу: и, издавая многочисленные победные вопли, с отвагой и без страха все они поднялись на стены.

Итак, когда все это увидел несчастный император, повелитель мой, го, проливая слезы, стал он призывать на помощь бога, а воинов побуждал отважней сражаться. Но уже никакой надежды на совместные действия воинов и на помощь божию не было. Пришпорив коня, поскакал он туда, где шла густая толпа нечестивцев: как Сампсон, напал он на чужеземцев и в первой же схватке прогнал нечестивцев от стен. Дивное чудо это видели все там находившиеся и смотревшие. Как лев, скрежеща зубами и держа в правой руке обнаженный меч, он заколол им множество неприятелей, и кровь их рекой стекала с ног и рук его. А высшесказанный дон Франциск Толедский превзошел Ахилла: находясь по правую сторону царя, он, как орел некий, поражал неприятелей своими когтями и клювом. Подобным же образом и Феофил Палеолог, когда увидел царя сражающимся, а город находящимся в опасности, то с плачем закричав громогласно: «Хочу лучше умереть, чем жить!», — с криком бросился в средину неприятелей и всех, кого только нашел, — рассеял, разбросал и перебил. Также и бывший там Иоанн Далмат бился с неприятелем доблестнее всякого воина. Случившиеся там и видевшие все это дивились силе и храбрости этих отважнейших мужей. Пока происходил этот великий бой, сражение и схватка, они дважды и трижды обращали нечестивцев в бегство, множество их перебили, а остальных согнали со стен, пока, наконец, мужественно сражаясь и обороняясь, не были убиты и сами, истребив, таким образом, до своей смерти великое множество неприятелей. И другие некоторые воины не без успеха сражались в том месте, пока, наконец, и они не были убиты близ ворот святого Романа, где турки соорудили осадную ту машину и поставили огромную бомбарду и откуда, обрушив городские стены, вошли первоначально в город. Впрочем, в тот момент я не находился близ повелителя моего, царя; по его приказу я был в это время на другом участке города: разумеется, для наблюдения за ним.

Глава 8. Итак, когда турки вошли в город, то оставшихся на внутренних стенах христиан они прогнали пращами, копьями, стрелами и камнями и завладели, наконец, всеми стенами, — за исключением так называемых башен Василия, Льва и Алексея, где стояли моряки из Крита. Ибо эти моряки мужественно сражались до шестого и седьмого часа и многих из турок убили. Даже тогда, когда в тылу у себя они увидели великое множество турок и когда весь город был уже захвачен, они не пожелали сдаться, но говорили, что лучше умереть, чем жить. Один турок об их храбрости сделал эмиру доклад, и тот приказал, чтобы по взаимной договоренности они уходили и были свободны: и сами, и корабль их, и все снаряжение, какое имели. И вот, когда так обстояли дела, едва-едва уговорили их уйти из башни. И двое братьев — итальянцев, Павел и Троил по имени, с другими многими тоже мужественно сражались на отведенном им месте и с ожесточением отгоняли неприятелей, ведя сражение и бой без робости; и много было убитых с обеих сторон: и со стороны наступающих, и со стороны оборонявшихся. Когда же Павел обернулся и увидел неприятелей уже внутри города, говорит он брату своему: «Содрогнись от ужаса, небо, и восстанай, земля! Город уже взят, и пора нам окончить бой. Позаботимся, если возможно, о собственном спасении!»

Итак, неприятели завладели всем городом во вторник в два с половиной часа дня, 6961 г., 29 мая. И тех, кто умолял о пощаде, турки подвергали ограблению и брали в плен, а тех, кто сопротивлялся и противостоял им, убивали: в некоторых местах, вследствие множества трупов, вовсе не видно было земли. И можно было видеть необыкновенное зрелище: стена-

ние и плач и обращение в рабство бесчисленных благородных и знатных женщин, девушек и посвященных богу монахинь, безжалостно, несмотря на их вопли, влекомых турками из церквей за косы и кудри головы, — крик и плач детей и ограбленные священные и святые храмы. О прочем же, что приводит в ужас и что слышалось, кто расскажет? Можно было видеть, что божественную кровь и тело христово турки выливали и выбрасывали на землю, а драгоценные из-под них сосуды похищали, или разбивали или целыми совали за пазуху. То же они делали и с драгоценными украшениями. Святые иконы с золотом, серебром и драгоценными камнями турки топтали ногами и, вырывая из них украшения, делали из них кровати и столы. Священническими одеждами и одеяниями — шелковыми и золототканными — они покрывали коней, а иные на них ели. Драгоценные жемчуга из святых раков с мощами они вырывали, а святые останки попирали ногами. И другое весьма многое, достойное плача и неподобное, делали эти предтечи антихриста. Премудр суд твой, Христе-царю, над нами, потому что он необъясним и непостижим! И можно было видеть всевеличайший и божественнейший оный храм Софии, — это небо земное престол славы божией, колесницу херувимов и вторую твердь небесную, создание рук божиих, зрелище и дело необыкновенное, всей земли радование, — храм прекрасный, и из прекрасных прекраснейший: внутри его запретных святилищ, а также на их жертвенниках и трапезах, турки ели и пили и на них же приводили в исполнение и осуществляли свои развратные намерения и похоти с женщинами, девицами и мальчиками. Кто не оплакал бы тебя, храм святой?! Всюду было всяческое зло, и голова всякого из нас испытывала боль. В жилищах плач и сетования, на перекрестках вопли, в храмах слезы, — везде стоны мужчин и стенания женщин: турки хватают, тащат в рабство, разлучают и насильничают. Те, кто пользовался в народе почетом, теперь обесчещены, а богачи унижены подобно нечестивцам. Площади, углы улиц — на всяком месте и всюду все было полно всяческого зла. Ни одно место не осталось необысканным и неограбленным. О, Христе-царю! От горя и беды, в которых мы тогда были, спаси всякий город и всякую страну, где обитают христиане! Чтобы найти спрятанные деньги, нечестивцы перерыли все сады и дома и, найдя, нагрузились весьма многочисленными новыми и древними сокровищами и другими драгоценными вещами.

Глава 9. И вот, когда город был взят, эмир, вступив в него, тотчас же со всей тщательностью учинил поиски императора, — причем в уме не держал он ничего другого, как только узнать, жив царь или умер. Некоторые, вернувшись с поисков, говорили эмиру, что царь бежал. Другие говорили, что скрывается в городе; а третьи, — что, сражаясь, умер. И вот, желая удостовериться в истине, послал он некоторых туда, где кучами лежали трупы убитых христиан и нечестивцев. Очень много голов убитых они обмыли водой, чтобы узнать, не императорская ли это случайно. И не могли бы они узнать ее, если бы не нашли бездыханный труп императора, который узнали по царским сапогам — по обуви, на которой, как это в обычае у императоров, были изображены красками золотые орлы. И, узнав об этом, эмир стал весьма весел и радостен: и по приказу его находившиеся там христиане похоронили царское тело с императорскими почестями. Увы, увы мне, которого божественное провидение сохранило на некоторое время в живых! Всей же жизни этого досточтимого в императорах и тишайшего мученика было сорок девять лет, три месяца и двадцать дней.

Эмир же, возгордившись вследствие столь великой победы и преисполнившись величайшего тщеславия, стал жестоким и безжалостным. И вот

пришел к нему великий дука, кир Лука Нотарá, — учинил ему поклонение и показал ему великое сокровище, которое держал раньше спрятанным, — и камни, и жемчуга, и другие богатства, достойные царей, так что, увидев все это, эмир и весь совет его дивились. И сказал Нотарá эмиру: «Все это я сберегал для царского твоего величества. И вот теперь вручаю этот дар тебе и прошу принять это моление и просьбу раба твоего». А надеялся он благодаря этому получить свободу с семейством своим. И сказал ему в ответ эмир: «О, полусобака, бесчеловечный пройдоха и вертун! Имел ты такое богатство и не помог им, царю — повелителю твоему и городу — отечеству твоему? А теперь с той же подлостью и коварством, с каким привык действовать и поступать от юности твоей, ты хочешь надуть и меня и избежать того, что приличествует тебе? Скажи мне, нечестивец: кто предал в руки мои это богатство твое и весь этот город?» Говорит ему Нотарá: «Бог». Эмир же сказал ему: «Если бог все это даровал мне, а тебя и всех прочих предал рабами под руки мои, то что же ты говоришь, негодяй, и пустословишь? Почему же ты не отослал мне все это, прежде чем я начал войну против вас или прежде чем одержал победу над городом, чтобы заслужить мою милость и вознаграждение? Теперь же не ты даешь мне это, а бог». И тотчас же приказал эмир палачам, чтобы бросили Нотарá в тюрьму и тщательно караулили. На следующий день по приказу эмира опять привели Нотарá к седалищу Мехмеда. И говорит ему эмир: «Если ты не хотел помочь царю и отечеству своему столь бесчисленным богатством, какое имел, то почему же не дал ты доброго совета царю, когда я сообщил ему, чтобы с миром и любовью он отдал мне этот город, а я бы взамен с любовью и дружбой дал ему другое место, чтобы не было такой резни между нами?» Нотарá же сказал ему в ответ: «Не я повинен в этом деле, а венецианцы и обитатели Галаты, которые обещали царю прислать ему на помощь флот и войско». И говорит ему эмир: «Много же ты знаешь ложных выдумок! Но сейчас не такое время, чтобы ложью ты мог помочь себе». И приказал эмир, чтобы на следующий день на площади Сухого холма сначала на глазах Нотары умертвили двух его сыновей, о которых некогда тот просил царя, чтобы одного из них царь почтил званием великого контоставла, а другого званием великого логофета, — а затем убили и его самого, что и было исполнено. Такой конец имели деяния Луки Нотарá. Затем, по приказу эмира, после этого было убито много знатных византийских архонтов, а также резидент Венеции с его сыном и посол Каталонии с его двумя сыновьями. Хотел он затем убить и Контарини, а также других благородных венецианцев, но они дали денег и разного рода обещания Зогáн-паше и были помилованы. И вот послал он в Галату и, многих изловив там, тоже перебил: и всякое обещание, которое раньше давал им, вменил в ничто, а определил, чтоб и они были его данниками. Али-пашу, отослав от себя, заключил в некую башню, а спустя несколько дней убил и его по причине, о которой мы уже говорили, т. е. за то, что Али-паша советовал ему не начинать войны против города, — чтобы западные христианские владетели в ответ на это не объединились и не выгнали турок из Европы и т. д., как написано об этом выше. И вот смерть его причинила всему войску эмира безмерную скорбь, потому что он был любим всеми и во всех делах был хорошим советником эмиру.
